

Комбат Найтов

РЕТРОГРАД-2

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Комбат Найтов

Ретроград-2

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Найтов К.

Ретроград-2 / К. Найтов — «Издательство АСТ»,
2020 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-122497-4

Главный конструктор СибНИИА на своем антикварном ЗиС-101 случайно зацепил гироскоп истории. Качнувшись несколько раз, к 22 июня 1941 года вызванное возмущение было компенсировано огромной инерцией «госпожи истории». Но поздно: в воздухе находилась *Ergänzungsgruppe StG3*, задачей которой было уничтожить Сталина, который должен был ехать в поезде в Минск, где должна была состояться их встреча с рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером. ВВС РККА и все приграничные округа находились в готовности № 1. Две сильнейших державы Европы готовы к смертельной схватке...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122497-4

© Найтов К., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1. 22 июня 1941	6
Глава 2. 23 июня: удар по Берлину и бунт маршалов	10
Глава 3. 24 июня: Черчилль, III Интернационал и другие участники	18
Глава 4. В особой ударной группе	25
Глава 5. После встречи с Черчиллем	29
Глава 6. Неожиданный подарок судьбы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Комбат Найтов Ретроград-2

© Комбат Найтов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1. 22 июня 1941

– Sammeln in der Luft! Sammelhöhe ist 5200 meter! Aushungern, Buben!¹ – скомандовал оберст-лейтенант Шуберт, командир «дополнительной» группы (Ergänzungsgruppe) 3-й эскадры пикирующих бомбардировщиков StG3. Ergänzungsgruppe – это группа (полк) усиления. Он придается эскадре при действиях во время наступления. Основная задача в остальное время – натаскивание пополнения до уровня линейных групп. В его постоянном составе – опытейшие летчики-инструкторы, с помощью которых из юнцов, с 200 часами налета после училища в Грайфсвальде, получают боевые летчики. В составе двух штаффелей находится шесть офицеров люфтваффе. Некоторые из них, как и сам Шуберт, начинали еще в Испании, в составе «Кондора». И это пятая для них кампания. Необычность вылета и всего задания очевидна: Ju-87 – дневная машина. С русскими гешвадер уже сталкивался, днем над Грецией. Там действовали их новые «доппельратте», которых у русских не так уж много. В дневном бою – серьезная машина. Их соседей, второй гешвадер, они потрепали так, что он до сих пор не восстановлен. Третий сняли с греческого направления месяц назад и перебросили в Польшу, в Бяло-Подляску. День назад туда же переброшена и 77-я эскадра, так что на аэродроме просто не протолкнуться. В отличие от остальных групп обеих эскадр, Erg. Gruppe/StG3 укомплектована новейшими Ju-87R «Рихард». Это – дальний пикирующий бомбардировщик. Задача: на перегоне Смоленск – Минск обнаружить и уничтожить курьерский поезд, в третьем вагоне которого, в Минск, на встречу с фюрером, едет русский сатрап Сталин.

Из-за малого радиуса действия основного истребителя BF.109F: 425 километров с дополнительным подвесным баком, и тяжелого истребителя BF.110C.5: 525 километров соответственно, оба штаффеля шли без воздушного прикрытия. Их обещали прикрыть на обратном пути у Минска, который, одновременно с их ударом по поезду, начнут штурмовать самолеты 77-го гешвадера, они взлетят через 1 час 25 минут. Штурмовка Минска пройдет в три волны. Всего на Восточном фронте люфтваффе сконцентрировало 4950 боевых самолетов, которые через несколько минут начнут прогревать свои Jumo, DB и BMW. Этим двум штаффелям выпала честь нанести удар по противнику на самом большом удалении на участке вторжения группы армий «Центр».

«Штуки» собрались на пяти тысячах и поползли выше, к пределу высотности, еще до границы убавили обороты, пилоты и стрелки включились в СКУ, и в 01.27 берлинского времени пересекли границу СССР. Ниже их, чуть раньше по времени, пересек границу Ju-52 авиакompании «Люфтганза». Его пролет был согласован заранее, он шел на Москву с дипломатической почтой. Этот «юнкерс» имел точно такие же Jumo-211, как и Ju-87R, так что акустическое прикрытие было отличным. Арнольд Шуберт запросил стрелка-радиста, что слышно на русских каналах?

– Герр оберст, противник обнаружил нижний «юнкерс», запросил его позывные и включил привод в Смоленске. Я настроился на него. По этому курсу три русских базы: Островок, Глиницы и Мачулицы. На двух из них сидят только бомбардировщики. Опасен только Островок.

– Понял тебя, Ганс! Следи за эфиром и за воздухом.

– Яволь, герр оберст.

Радист нижнего «юнкерса» кодом дал короткую РДО:

«Наблюдался подход одиночного “нойе-кертисса”. Активность авиации – обычная. Наблюдали обычное построение “кертиссов” в ряд на аэродроме. LHS20.145».

---

¹ Сбор! Высота сбора 5200. В набор, мальчики! – Здесь и далее примечания автора.

Трасса «Люфтваффе» проходит в трех-пяти километрах от Островка, и к пролету немца все давно привыкли.

– Ганс! Что у русских?

– Тишина. Диспетчер один раз запросил «сто сорок пятого», уточнил его место.

Подполковник видел данные разведки: после окончания войны в Греции их «кертиссы», «ратте» и «мартин-бомберы» вернулись на основные аэродромы, выстроились ровными рядами. Русские провели несколько воздушных парадов, обследовали аэродромы люфтваффе вдоль всей линии границы, и более полумесяца больше разведывательных вылетов не производили. Их активность на участках, где располагался гешвадер, низкая.

02.15 – на торфоразработки в Тринтинце сброшены крыльевые дополнительные баки. Слева – огни Минска. Через двадцать одну минуту оберст-лейтенант однократно мигнул навигационными огнями. Новый курс – 10°. Под ними характерный изгиб Свислочи на 90° у поселка Благодать. Подполковник начал снижение и через десять минут отстегнул надоевшую маску от шлемофона. Теперь самое сложное: найти этот проклятый поезд. Доворот вправо, высота 5200. Пройден Борисов, поезда из семи вагонов нет. Сзади уже взлетели и рассыпались по небу штурмовые и бомбардировочные эскадры, задача которых уничтожить на земле передовые части ВВС СССР. Пройдено почти пятьсот километров, и все впустую! Чертова разведка. По времени поезд должен был быть где-то здесь! У села Голубы из леса выскочил поезд. И пять километров прямой линии, ни одного поворота.

– O nein! So viel! Sturzangriff, Buben!!!²

Машина привычно валится на крыло, глубокий вираж, перегрузка, щитки, решетки, вой моторов открываемых створок бомболюка. Палец привычно жмет на кнопку сирены. Выравнивание по крену, в прицеле – третий вагон! Вдруг резкий запах озона в кабине и острая боль в глазах! И рука начинает шарить автомат вывода!

– Nein! Meine Augen! Ich kann Augen nicht aufmachen!³

Автомат уже сбросил бомбы, и с поезда уже передан сигнал об атаке в Москву. На второй штаффель с высоты валится восьмерка Пе-3, этот штаффель еще только готовится к атаке, поезд украсился вспышками открывших огонь зенитных установок, выбрасывающих навстречу немцам сотни снарядов и крупнокалиберных пуль. Великая Отечественная война началась. В небе над Севастополем и Кронштадтом – воздушный бой, видны трассы очередей. Немцы начали артподготовку практически на всем протяжении западной границы СССР. К девяности аэродромам подходят «юнкерсы», «дорнье» и «хейнкелы» и высыпают на них касетные мелкокалиберные бомбы. Внизу сплошное зарево горящих черным коптящим дымом объектов бомбежки. Повторный заход, и стоянки поливаются свинцом из всего имеющегося бортового оружия. В эфире сплошной немецкий язык, в котором гложут восклицания подполковника Шуберта и его подчиненных. Они слишком далеки от мест успеха, и их практически не слышат. Доклады непосредственно в Берлин. Первый удар нанесен, и он успешен!

Геринг щелкнул пальцами, и между генералами и офицерами в его штаб-квартире на Вильгельмштрассе замелькали черные фраки официантов, разносящих шампанское. Для присутствующего здесь фюрера принесли его любимый морковно-яблочный сок.

– Господа! Наши доблестные войска перешли границу советской России. Несмотря на некоторые сомнения, из-за не совсем удачной операции на юге Европы, тщательно подготовленный удар люфтваффе открыл им дорогу к победе! Наш непобедимый вермахт рвется к логову врага. Через три, максимум четыре недели я приму парад в Москве! Зиг...

– Хайль! – проорали присутствующие и трижды повторили этот выкрик.

² О, нет! Так не бывает! (Вот повезло!) Пикируем, мальчики!

³ Нет! Мои глаза! Я не могу открыть глаза!

– К запуску! – прозвучало на трехстах с лишним площадках по всей линии соприкосновения советских и немецких войск. Москва передала команду на взлет. Задача: перехватить отходящие после первого удара самолеты люфтваффе и прикрыть действия наших войск. Эфир наполнился командами по наведению на цель. Израсходовавшие боеприпасы и топливо немецкие самолеты представляли собой лакомую цель для любого летчика-истребителя. Появления «долгоносиков» не ждали, да еще и в таком количестве. Немцы шли с востока, и их было отлично видно, даже без команд с земли. Легкие и верткие И-16Н в основном имели два БС и две пушки ШВАК. На некоторых сохранились ШКАСы, но часть имела четыре УБТС и две пушки ШВАК. Эти машины и послали атаковать одиночные немецкие бомбардировщики, возвращающиеся на аэродромы. На таких машинах в полках летали лучшие летчики. С рассветом воздушные бои над линией фронта возобновились с новой силой. Потеряв очень много машин на отходе, люфтваффе решило поквитаться с помощью новейших Me-109ф. Однако первые же бои показали, что решающего преимущества у нового «мессера» перед И-16н нет. Все машины успели «переодеть» в лавсан и сменить им устаревшие двигатели на М-62ИР и М-63. Тут уж кому что досталось. К тому же численное превосходство было на стороне СССР. И в небе у границы господствовали И-16НМ, резко выделявшиеся своими фонарями-«капельками», высоким уровнем пилотажа и тактики боя. Там, где они появлялись, немцам приходилось туго. Весь день 22 июня прошел в воздушных боях. Каждая из сторон пыталась сбросить другую с неба.

Сталин находился в Ставке, оттуда и выступил перед страной по радио в 04.00 по Москве. После выступления он повернулся к присутствующему здесь Филину.

– Товарищ Филин! Что с курьерским поездом?

– Поезд повреждений не получил, товарищ Сталин. После ремонта путей, бомбами путь поврежден в нескольких местах, отправится в Москву. Сбито шестнадцать Ju-87R, два сели на вынужденную у Заболотницы. Вывозим, машины интересные, с кольцевым радиатором⁴. Есть пленные, в том числе командир полка подполковник Шуберт.

После этого Сталин развернулся и подошел к моему столу. Я встал.

– Товарищ Никифоров. Вы уверены, что немцы не смогли обнаружить основные силы наших ВВС?

– Таких докладов не поступало, товарищ Сталин. Бомбовые удары пришлись по ложным аэродромам.

– Тем не менее, товарищи, немцы все-таки прорвались на некоторых участках фронта. Обращаю ваше внимание на это обстоятельство, товарищ Шапошников. Товарищ Филин, хочу задать вам вопрос: почему я не вижу здесь товарища Смушкевича?

– Он находится в Минске, товарищ Сталин, на военном совете ВВС мы приняли такое решение: дополнительно усилить управление на этом участке. Командующий авиацией там молодой, а противник у него опытнейший.

– Решили подстраховаться, товарищ Филин?

– Не без этого, товарищ Сталин.

– Особое внимание обратите на участок Поланген – Креттинген. Окажите помощь 10-й стрелковой дивизии. Подтяните силы к рубежу Папе – Паурупе. Это касается всех. Прорывы ликвидировать. Я – в Кремль. Вас и вас жду с отчетом к двадцати четырем. А вы, товарищ Никифоров, займитесь делом, черте что творится с выпуском бомбардировщиков! И подготовьте ваши соображения по удару по Берлину. Оставлять безнаказанными попытки бомбежки

---

⁴ Эти радиаторы впоследствии использовались на всех высотных машинах Германии, в частности на Ta-152, Ta-153, Фокке-Вульф-190В и С, Me-410С.

наших городов нельзя! Это – ваша непосредственная задача. Готовьте технику и людей. Здесь можете больше не находиться, понадобится – вас вызовут. Ко мне прибыть в 01.30.

Тут вошел Власик с длинной телетайпной лентой и передал ее Сталину. Я собирал со стола свои «бумажки», собираясь ехать в институт. Николай Сидорович подошел ко мне и протянул руку для пожатия.

– Твои с Таммом установки сбили шесть пикировщиков. И дальномер работает как часы. Точность огня железнодорожных зенитных батарей повысилась значительно. Так что поздравляю! Держи краба!

«Вот гады! Даже не посоветовались! Впрочем, это замечательно. За всем проследить просто невозможно!» Позже выяснилось, что на гироскопическую платформу они посадили счетверенную установку ВЯ-23 и приспособили туда баллистический вычислитель Людмилы Келдыш. И лазер на поезд воткнули мощнейший, да еще и с принудительным охлаждением. Стервецы! Батарея, конечно, получилась уникальная, но что не сделаешь для любимого вождя? Власик, как только первый раз увидел действие установки, так сразу понял, для чего ее можно приспособить. И позднее, когда показывали ее на СПБ-2.

Глава 2. 23 июня: удар по Берлину и бунт маршалов

Задачку товарищ Сталин поставил ту еще! То, что называется:

– А кто у вас муж?

– Волшебник.

– Заранее предупредить надо!

Мужа-волшебника в ближайших окрестностях просто не существовало. А как было бы здорово! Чем достать Берлин – было. Я же с 22-го завода в Филях не слез! Он у меня выдал план прошлого и этого года по СПБ-2. Деньги же он «освоил» в сороковом, а машины так и не выдал. Все полностью выдрать не удалось, но 468 штук из тысячи шестисот (400+1200) машин по плану прошлого и этого года выдал. Но там, кроме этой машины, производился еще и Ар-2. (СБ с двигателями М-105, которых Яковлев приказал готовить много для своих И-26, а Ар-2 снимать с производства в пользу Пе-2. И это при условии, что Ар-2 – освоенная машина!!!) «Арочек» было много, но их дальность не позволяла бомбить Берлин. ДБ-3ф – их на вооружении стояло достаточно. За 1940 год завод № 18 выпустил 808 ДБ-3Ф и 555 ДБ-3, завод № 39 – соответственно 198 и 279, завод № 126 – 100 ДБ-3. Все они имели дальность больше, чем СПБ, и по грузоподъемности ему не уступали. Но последний имел 520 км/ч максимальную скорость, а ДБ-3ф – 389, а крейсерскую и того меньше. А ночи в июне – короткие! И бомбить ильюшинская машина могла только с горизонтали. Плюс, как показали действия во время Финской войны, летчики ВВС СССР не владели навигацией и ночными полетами. Пока у ВВС СССР один полк, самолетами которого управляли летчики ГВФ, а машины имели полный комплект исправного навигационного оборудования. Это – 212-й БАП, базирующийся в Смоленске. Я вызвал его командира подполковника Голованова в Москву, в Чкаловск. Через три часа мы встретились в моем кабинете.

– Добрый день, Александр Евгеньевич. Никифоров, Святослав Сергеевич. А это полковник Дорожкин из двадцать третьей САД.

– Здравствуйте, товарищи командиры.

– Ставка поставила задачу нанести бомбовый удар по Берлину. Мне поручено подобрать силы и средства для этого удара. Есть два варианта: вылет с Западной Украины, но там 1400 километров пути проходит над вражеской территорией, и вероятность беспрепятственного удара равна примерно нулю. Ни скорость, ни высотность нам не позволяют этого сделать в условиях летней и безоблачной ночи. Второй вариант, это из района Тукумза, над Балтийским морем. Там самолеты будут находиться над Германией всего 350 километров. Есть некоторые проблемы: 213-й и 214-й скоростные бомбардировочные полки по итогам сорокового года были признаны небоеспособными. Базируются они в Остафьево, поэтому, по поручению командования ВВС, нашему испытательному полку поручили довести эти соединения до боееспособного состояния. В настоящее время оба полка имеют на вооружении самолеты СПБ-2 в количестве 156 машин. Из них боеспособны 152 самолета. Никаких других полков нет. Часть летчиков и авиаспециалистов участвовала в оказании военной помощи Греции. Все командиры экипажей допущены к ночным полетам. Необходимо разработать тактику и план удара, учитывая, что истребителей сопровождения у нас практически нет: двенадцать самолетов ТИС сейчас проходят заводские испытания на 51-м заводе на Ходынке. Я направил туда наших людей из истребительного отдела. Есть вероятность того, что машины успеют подготовить.

– Что требуется от меня?

– Люди, ведущие эскадрилий и штурманы. Те, кто сможет качественно осветить цели. Наши цели в Берлине – вот эти четыре здания на Вильгельмштрассе: Управление люфтваффе, Управление гестапо, Рейхсканцелярия и бункер Адольфа Гитлера. Цель налета – чисто политическая: показать, что мы можем наносить мощные и точные удары на большом удалении.

Я не мог сказать ему, что шестнадцать машин, которые мы использовали в Греции, имеют на борту очень секретное оборудование. Остальные таких устройств не имели. На всех машинах стояли высотные М-105тк, а на секретных машинах стояли АМ-38фтк с нагнетателями Доллежаля, 1820 сил и с высотностью 15 000 метров. Жалко, их было мало.

План удара и все расчеты были готовы через пару часов. Вооружение и топливо на аэродроме было. Голованов связался со своим полком и направил людей в Тукумз. Оба полка в 14.30 вылетели на новое место базирования. Я же остался в институте, командовать операцией будет Голованов. От института и испытательного полка участвуют полковник Данилин, начальник бомбардировочного отдела, и полковник Воеводин, начальник истребительного. Он возглавляет войсковые испытания нового истребителя. Двенадцать машин вылетели, с ними полетел и Миша Янгель. Тьфу-тьфу-тьфу. По скорости ТИС превосходит Ме-110С и не уступает Ме-109Е, ну, а вооружение у него мощнейшее: четыре пушки Б-23 и кормовой УБТ. Посмотрим, что из этого получится. Время удара – 01.30, я как раз буду у Сталина по этому вопросу. Главную опасность представляет Тиргартен-парк. Там стоит чуть ли не половина всех пушек ПВО Берлина. Танков Т-34 и мемориального кладбища там еще поставить и построить не успели. А пушек уже понатыкали. Однако перед вылетом туда на борт Голованову передали «цур-код» и «цу-код» Берлинер-норд-зоне с посадкой в Тегеле. Наша разведка сработала. Попробуют надурить немцев. Силуэт всех машин похож на Ме-110, там еще технари черной краской поработали по днищу. Так что посмотрим, что получится.

Сам я приехал в Ставку и наблюдал за развитием обстановки там. Никогда так не волновался. Все-таки надо иметь железные нервы, чтобы посылать других людей на смерть. Я этого делать не привык. До «нулей» мне немного помогал Филин, преодолеть мучившие меня сомнения. Но потом он уехал. А тут еще ГРУ опять вмешалось, передали изменение маршрута, чтобы обойти зону действия какого-то радара. Они уже над Польшей, точнее, над генерал-губернаторством. А мне в Кремль. Пришлось выйти, сесть в машину и отсутствовать на связи минут пятнадцать-двадцать. Меня пропустили в кабинет без малейшей задержки. Доложил о прибытии, мне мундштуком указали на стул слева, а Сталин слушал кого-то по ВЧ. Назвал незнакомый мне позывной товарища и сказал, что распоряжение остается в силе. «Исполняйте. Ваши доводы неубедительны». В час тридцать четыре в кабинет вошел Поскребышев и передал Сталину папку. Уходя, стукнул меня по плечу. Сталин прочел что-то в папке, закрыл ее и сказал:

– Ваш доклад отменяется, товарищ Никифоров. Самолеты 213-го и 214-го полков нанесли удар по центру Берлина. Вы сработали оперативно. Готовьте списки людей, отличившихся в подготовке этого удара.

– Я всех не знаю, товарищ Сталин. Нам разведуправление Генштаба помогало и обеспечило безопасный пролет над территорией противника. Практически предоставило коридор.

– Это замечательно! Я прослежу, чтобы этих людей наградили. Сводку знаете?

– Я двадцать минут назад был в Ставке и видел ее.

– Почему немцы все-таки прорвались и не опасаются за фланги?

– Я же вам говорил, что это такая тактика. Пробивается брешь на всю глубину обороны на узком участке, концентрация войск и средств огневого воздействия там высочайшая. Требуется глубоко эшелонированная оборона, с поэтапным уничтожением ударного кулака. Далее следует маневр, перерезающий наши коммуникации и срывающий поставки снабжения и связь. В расчете на панику. Без мощной авиаподдержки эти удары в конечном итоге ведут немцев в котел. Они сами туда залезают. Теперь надо подрезать основание этих клиньев и выбивать кампфгруппы. С воздуха и артиллерией. Пока массированных ударов с воздуха мы не применяли. Сегодня перед нашими ВВС стояли другие задачи: сорвать воздушное наступление и поддержку немецких войск с воздуха. По тому, что я вижу, большую часть задачи мы выполнили. Бомбардировочная авиация противника смогла сделать только два вылета и в обоих случаях понесла значительные потери.

– Наши потери тоже велики. Особенно на земле. Мы что-то не учитываем, товарищ Никифоров.

– Не учитываем общую неготовность народа мгновенно перестроиться на войну. Я вот сегодня послал два полка на Берлин, так места себе не находил, все ли я продумал, и кто из них сегодня оттуда не вернется. Вы уже воевали и психологически готовы к этому. А я – нет.

– Это честное замечание, товарищ Никифоров. Не буду вас больше задерживать, идите, узнавайте, кто, что и как сделал в этом вылете. В одном вы правы: мыслями мы все еще там, в мирном времени.

Несмотря на то что Ставка ближе, поехал в главный штаб ВВС, к Филину. Там радостно потирают руки: над Берлином полки не потеряли ни одной машины. Удар был внезапным для ПВО немцев, которые были уверены, что возвращается ZG3, понесший большие потери в небе над Литвой, в штаб которого действительно давали такую радиограмму. Но большинство оставшихся машин сейчас у них в ремонте, а это результат перехвата и радиоигры плюс помощь «красной капеллы». Она уточнила маршрут движения и коды. Дальше немного хуже: у шести машин утечка топлива, они идут на Ломжу, подходят к Бромбергу. Их сопровождают четыре истребителя. Если топлива хватит, то через сорок минут будут иметь возможность сесть. В основной группе еще пять машин имеют такие же проблемы, идут над морем, утечку обнаружили поздно. Из Вентспилса подняли две летающие лодки ГСТ Балтфлота. С утра их действия прикроют истребители 1-й ВА. Подтвержденных результатов бомбежки пока нет. Deutscher Rundfunk коротко объявило о налете английской авиации на Берлин с минимальным успехом у противника и небывалым успехом у Геринга. Однократно. Значит, успех есть!

В ожиданиях прошел еще час. Наконец доклад из Белостока: под Ломжей село три из шести подбитых бомбардировщика. В самом Белостоке приземлились все ТИСы и один СПБ-2. Вытаскивают из-под Ломжи экипажи подбитых машин. Сами машины уже сожжены, площадка под обстрелом немецкой артиллерией. Один из бомбардировщиков экипаж покинул над Вольковской пушей, километров пятьдесят не дотянули до линии фронта. Помочь – нечем. Это еще за Наревом, западнее Остролека. Еще одна машина упала в ста пятидесяти километрах от Ломжи, экипаж машину не покидал. Летчик сержант Павел Иванов был ранен над Берлином, стрелок и штурман на связь не выходили.

Затем позвонил Голованов и долго рассказывал все Филину. Над морем машины не потеряли, все подбитые сели в Либаве, спасательные лодки возвращаются в Венту. Через Филина прошу Голованова прибыть для доклада и со списком отличившихся. Пожал руку Александру Ивановичу и поехал домой. Вымотался за эти полтора суток страшно. Как уснул – не помню, но проснулся без сапог и галифе, но в гимнастерке, на диване в кабинете. Видимо, Катенька их с меня стащила. Звонок! Сел Голованов. Натягиваю брюки, застегиваюсь. Появляется заспанное лицо супруги. Им, женам, страшнее всего, они почти ничего не знают, только сводки Совинформбюро.

– Ты куда?

– В штаб. Ночью бомбили Берлин, привезли результаты вылета.

– Ты хотя бы позавтракай, кофе горячий!

– Угу, попроси все сделать, я сейчас вернусь, будут гости.

Но вернуться в домик не получилось! Тут же позвонил Филин и приказал ехать в Кремль. И это в шесть утра! Голованов и майор Байзуков уснули по дороге в Кремль, как только коснулись сидений в машине. В кабинете Сталина от звезд с лавровыми листьями просто тесно. Все требуют отдать под суд Филина, кроме нескольких отдельных товарищей. Дескать, могучим ударом, как действовали над Берлином. Шашки вон! Марш, марш! В атаку! Авиация – это часть армии, и она виновата в том, что на направлениях главных ударов немцам удалось продвинуться на 16–40 километров в первый день. Вместо того чтобы руководить войсками,

все маршалы вернулись в златоглавую. Недостаточно активно используем главную силу авиации: тяжелые, средние и фронтовые бомбардировщики. Увлеклись авиаторы азартными воздушными боями, а на нужды войск хрен положили! В Ставку я не заглянул, и чем сейчас занимается авиация не в курсе.

Сталин прохаживается по кабинету, следит только за порядком, чтобы выступали по одному. Каждому было предоставлено слово. Промолчали двое из пяти: Шапошников и Буденный. Больше всех разорвался Кулик. Он находился на южном фланге, причем в тылу, за Ростовом, отвечал за южное направление. Буденный командовал на Юго-Западном, Ворошилов на Северо-Западном, Западным командовал Тимошенко. Филина еще не посадили, как нас. Мы сидели у стеночки на стульях, а он стоял у основания т-образного стола Сталина. В общем, действуем из рук вон плохо, солдата не вдохновляем, какой козел отменил барражирование? Солдат должен чувствовать заботу о нем командования, и эта забота должна ему в ухо жужжать! Я недоуменно смотрел на Сталина, а он иногда посматривал на меня. Филину слова он не предоставлял. Он явно кого-то ждал. Затем снял трубку телефона и коротко сказал: «Да». Видя такую реакцию «великого кормчего», я ожидал чего угодно, вплоть до ареста Филина, или нас обоих. Лишь присутствие Голованова немного успокаивало. Я помнил, что он впоследствии стал главным маршалом авиации и был в очень хороших отношениях с вождем. Но это было позже, по меркам военного времени: много позже. Для того, чтобы «втереться» в доверие Сталину, ему пришлось в октябре того сорок первого вспомнить свое чекистское прошлое, отловить на дорогах в Куйбышев сбежавшее «правительство СССР» и вернуть его в Москву, под угрозой маузера и расстрела на месте, и жестко расправиться с мародерами и паникерами в Москве во время первого наступления немцев на Москву. После этого человеку трудно не доверять.

Но, вместо наряда НКВД, в кабинет вошли генералы Жуков и Смушкевич. Их вызвали из Минска. Сталин явно дожидался их прилета. На Смушкевиче реглан, шлемофон повис на воротнике сзади. Жуков, несмотря на лето, в шинели, сильно помятой сзади и на полах от парашюта. Видимо, добирались на самой быстрой машине. Доложились о прибытии.

– Здравствуйте, товарищи генералы. Присаживайтесь. И вы, генерал Филин. В ногах правды нет.

Пока вошедшие устраивались, Сталин рукой пригласил Шапошникова встать. Тот подошел к планшету, раздвинул шторы, чуть подтолкнул его вперед, подвигая ближе к столу. Нам эту карту смотреть было не положено. Вообще непонятно: зачем нас тут держат. В течение пятнадцати минут Борис Михайлович рассказал обстановку на всех фронтах, причем начал с Закавказского. Затем задернул шторы и вернул планшет на место.

– Теперь заслушаем генерала Никифорова по вопросу бомбардировки Берлина.

Я так же коротко, как Шапошников, рассказал о полученном приказании, особо подчеркнув политическую составляющую этого удара.

– Товарищ Верховный Главнокомандующий подчеркнул: «Оставлять безнаказанными попытки бомбежки наших городов нельзя!» Плюс, я считаю, что в случае неудачи своего наступления немцы могут воспользоваться большими запасами своего химического оружия, запрещенного к применению на конференции в Женеве. Имея достигаемую для нашей авиации столицу, они вряд ли решатся на такой шаг. Поэтому для налета мною были избраны два полка скоростных пикирующих бомбардировщиков, дальность которых позволяла совершить налет на Берлин и вернуться на ту же базу. В налете принимало участие 152 бомбардировщика и 12 тяжелых истребителей сопровождения. Общая бомбовая нагрузка составила 228 тонн. Целями для бомбардировки стали правительственные кварталы в Берлине. Так, чтобы всем жителям Германии было понятно, что это наш ответ на неудачную попытку покушения на товарища Сталина. Ударам подвергнута Рейхсканцелярия, бункер Гитлера, Управление люфтваффе и Управление гестапо, расположенные на одной улице: Вильгельмштрассе. О результатах могут

доложить непосредственные участники налета: полковник Голованов, он выполнял этот полет штурманом головного самолета-осветителя, и майор Байзуков, который также летел штурманом на замыкающем самолете-разведчике. Он снимал этот район и выбросил полторы тонны листовок, уведомляющих жителей Берлина, что удар нанесен авиацией СССР. И о причинах его нанесения.

– Прошу вас, майор!

Байзуков раздал маршалам и Сталину аэрофотоснимки до и после удара. Снимки уже были «подняты»: отмечены ориентиры на всех снимках, выделены цели, стояли отметки о вскрытых батареях ПВО и осветителей. Над ними поработали штурмана наведения.

– Хочу отметить, что удары нанесены точно, лишь восемь зданий-не-целей пострадало от бомбежки. Наибольшие разрушения отмечены в кварталах Рейхсканцелярии и министерства авиации. В здании гестапо – сильный пожар. Налет удалось провести внезапно, прожекторы и заградительный огонь немцы опоздали поставить. Непосредственно над целью ни один самолет не был поврежден. Но оборона там сильнейшая. В наборе повреждения получили одиннадцать самолетов. Два из них упали на территории противника. Один экипаж потерял безвозвратно, судьба еще троих членов экипажа другого самолета – неизвестна.

– Спасибо, товарищ майор. Мы вас больше не задерживаем. Подождите остальных у секретаря.

– Есть! – ответил майор и вышел из кабинета.

– Что можете сказать о налете вы, товарищ Голованов. В плане подготовки и проведения.

– Хочу отметить сразу, что времени на подготовку у меня практически не было. Утром 22-го меня вызвали в Чкаловск и поставили задачу обеспечить штурманскую часть этого налета. Предлагалось два варианта, один из которых был явно дан чисто для того, чтобы понять, что этот вариант – единственно возможный. Но все экипажи никогда над морем не летали, тем более ночью. Поэтому пригласили нас помочь с ориентированием. Всего от 212-го полка в вылете принимало участие семнадцать человек, все вылетели штурманами у ведущих «девяток». С самолетами СПБ мои люди не были знакомы, поэтому мы использовали только штурманский состав. Тем не менее я, как летчик, сумел опробовать эту машину в воздухе, подменив командира во время перелета над морем. У машины есть автопилот и проход справа, куда командир может спуститься. Удобнее, чем на ДБ-3ф. Там приходится сидеть за штурвалом весь полет, и, в случае ранения или гибели командира, штурман не может его подменить. Машины, на которых летели мы с майором, имеют радиолокатор, который может работать по воздуху и по земле. ДБ такого оборудования не имеет. Еще на земле мне объяснили, что ориентиром для меня будет Маршальский мост через Шпрее, который будет отчетливо виден на экране локатора. Так и было. Я определился и направил остальных именно по мостам. Визуально немцы применили маскировку и кварталы выглядят с воздуха не так, как в действительности. Камуфляж изменяет их до неузнаваемости. А мост выдает их с головой. Мы вывесили серию осветительных бомб, и остальным машинам было удобно пикировать и бомбить. Часть машин, шесть штук, вместе с бомбами взяли с собой ракеты, с помощью которых подавляли работу прожекторных батарей. Очень эффективное оружие. Ну, а о силе обороны немцев могу сказать одно: бомбить с горизонтали там практически невозможно. Времени на прицеливание тебе попросту не дадут. На отходе пикировщики попали под сильный зенитный огонь в окрестностях Берлина у аэродрома Темпельхофф и Мауэр-парка. Здесь моя недоработка, товарищ Сталин. Я дал команду после выхода ложиться на обратный курс, а требовалось в набор идти курсом «сто» до окружной дороги, и там уходить на Свенемюнде. Но эту команду я дал до атаки, тогда там тихо было. Когда набрали высоту, то немцы нас перехватить смогли только один раз на встречном курсе у Пренцлау. Но «лидеры», кроме локатора, имеют мощное пушечное вооружение в носу: четыре пушки. Пилот моего самолета в лобовой атаке сбил немецкий перехватчик. Атак сзади не было, мы отрывались от противника, имея

скорость на 40–50 километров больше. После ухода в море ход сбросили и пошли экономическим. Шести поврежденным самолетам я позволил выйти из строя и следовать к ближайшему нашему аэродрому. Выделил четыре самолета сопровождения. Истребители сбили двух перехватчиков. У них локаторы есть штатно на всех машинах. Что касается налета... Я бы разбил полки на более мелкие группы и атаковал бы большее количество целей. Но такой задачи не ставилось, действовали по заданию. Считаю необходимым держать на трассе полета несколько подводных лодок, чтобы подбирать подбитые экипажи.

«Лично я до этого не додумался, хотя риск для лодок достаточно велик. Но – это мысль!» – подумал я, услышав предложение Голованова.

– Считаю, что, в условиях такого дефицита времени и на других самолетах, задачу бы мы не выполнили или понесли более внушительные потери на подходе-отходе от цели. Считаю необходимым передачу в АДД таких самолетов, с такой скоростью и точностью бомбометания.

«Обойдешься!» – подумал я и приподнял указательный палец, прося слова. Сталин утвердительно кивнул головой.

– Подготовку к этому вылету мы начали в январе этого года по приказу командования ВВС. Обучали командиров эскадрилий двух полков 23-й смешанной дивизии, командир которой находится под следствием по итогам проверки отделом боевого применения ВВС. Генерал Смушкевич в курсе событий.

Смушкевич кивнул, что да, в курсе.

– В ходе подготовки командиры экипажей освоили ночные полеты и полеты в сложных метеоусловиях со «слепой посадкой» на аэродроме в Чкаловске. Времени провести полеты над морем не хватило из-за задержки в поставках техники и вылете всех командиров эскадрилий на Крит для участия в боевых действиях. В их отсутствие занимались отработкой заданий на максимальную дальность с боевым применением. Судя по всему, экипажи этих двух полков готовы к выполнению сложных полетных заданий. Но передавать их в дальнюю авиацию преждевременно. Начавшиеся боевые действия показывают, что истребительные эскадры немцев базируются вблизи линии фронта из-за небольшого радиуса действия своих машин. И, как только мы сможем сформировать первую штурмовую дивизию, мы начнем выбивать их на аэродромах. А эти четыре полка, еще два мы готовим на новую технику, составят дивизию скоростных бомбардировщиков особого назначения, которые будут выбивать бомбардировочные эскадры немцев на местах базирования. Через месяц Антонов обещает дать четыре летающих командных пункта для командующих воздушных армий, и уже мы начнем воздушное наступление против немцев.

Тут выдал Кулик, не выдержал, видимо:

– Гитлер по радио сказал, что через три, максимум четыре, недели будет принимать парад в Москве.

– Если отдавать ему по сорок километров в день, то «да», за четыре недели управится, товарищ маршал. Несомненно! От Бреста до Москвы всего одна тысяча таких километров. За эти сутки ни одна бомба не упала на наши войска. Немцы отбомбились только по ложным аэродромам, потеряв почти семьсот бомбардировщиков, в двух попытках. Я несусь, по готовности номер один, дежурство на ЗКП ВВС в Ставке Верховного Главнокомандующего. За это время я не слышал ни одного вызова воздушной поддержки непосредственно от войск. Их не бомбят и не штурмуют. Небо над ними мы закрыли и контролируем. Но армии у нас пока нет. Есть толпа, одетая в униформу. И пока она не нюхнет пороха и не умоется юшкой, не почувствует на своих губах вкус победы – грош ей цена. Я ведь мог взять лучших летчиков из ВВС и посадить их на СПБ-2. Мне бы не отказали. Дескать, надо и хоть убейся. Я взял худших в Московском округе. И сегодня они бомбили Берлин. Почти без потерь.

– А вот тут я генерала поддержу, хоть и не знаю, как его зовут, – оглаживая усы, сказал Буденный. – Я молчал, Иосиф, так как непонятка возникла: чего мы здесь собрались. Сейчас

все от командиров зависит. Мои вон сегодня западную часть Перемышля отбили, так я Дементьева на корпус поставил, сразу. Не бомбят нас. Это он верно заметил. Карусель в воздухе такая, шо мама не горюй, но немец вниз не идет. Войска мои не трогает, и свобода маневра у меня полная. Вот и подтягиваю силы, чтоб звездануть так звездануть, чтобы до Берлина катились. А оборону держать надо, зубами, как под Царицыном держали, а не песни тут петь: мне никто не помог, я ухожу! Я те уйду! Так что уймись, Григорий. Халхин-Гол вспомни!

В 08.20 Сталин снял трубку телефона, они у него беззвучные, не то что у нас. Улыбается чему-то.

– Передайте большое спасибо и поблагодарите за сведения!

Повесил телефонную трубку, сел в кресло и начал набивать другую трубку. Все молчали и уставились на него. Тот раскурил ее, несколько раз затянулся и выпустил густые облака дыма. Маршалы полезли в карманы за папиросами. Мне тоже захотелось покурить, но Сталин сказал:

– Молотову принесли телеграмму от Черчилля. Доставил ее лично Криппс. Нас поздравляют с большим успехом нашей авиации. В здании Министерства авиации ночью проходило большое совещание, которое закончилось за пятнадцать минут до бомбежки. Уничтожено более двух с половиной тысяч высших офицеров люфтваффе. Погибли Мильх, Ешонек, Рихтгофен, Мельдерс, командующие четырех флотов. Пострадал автомобиль рейхсмаршала, сам Геринг только получил контузию и ушибы. Погибли Гиммлер и Гейдрих, большое количество офицеров гестапо и РСХА. Полностью уничтожена Рейхсканцелярия, но там кроме охраны никого не было. Судьба Гитлера пока неизвестна. Оба выхода из бункера под обломками. Входные кабели связи повреждены. В Германии объявят траур в 08.00 берлинского времени. Черчилль собирается прилететь в Москву в ближайшие дни, чтобы наградить участников налета, обещает полный доступ к программе ленд-лиза. А это успех, товарищи!

Маршалы тут же переключились, начали хвалить Филина и Голованова, ну и мне немного перепало. Но из кабинета вышел полковник Кулик, с которым решили дальнейшее обсуждение вопросов не вести. Дела сдает Богданову, командующему Резервной армией. Через три дня начало наступления на Иран, согласованное с Великобританией уже давно. Таким образом закрывается возможность похода Гитлера на Ближний Восток.

Маршалов после короткого обсуждения положения на фронтах, в нашем присутствии, отпустили исполнять свои обязанности, ну, а мы вышли оттуда еще через пятнадцать минут, озадаченные по самое «не хочу», но все в новых званиях. Филин получил генерал-полковника авиации, а мы с Головановым стали генерал-лейтенантами. Мне «забыли» прицепить «инженера», зато стал заместителем командующего ВВС по авиастроению и комплектации. Комплектацией и связью с промышленностью ведал генерал-лейтенант Новиков, которого оставили моим замом. Не слишком хорошее решение! Голованов стал командующим АДД, вновь созданной структуры, в ВВС не входившей, и подчиняющейся напрямую Главковерху. Планов у него громадье, поэтому Филин предложил обмыть погоны и должности в институте. Тем более что Сталин приказал подготовить требования к англичанам по ленд-лизу. Исходя из полученной телеграммы, Черчилль готовится вылететь на Ближний Восток сегодня. И ему направлена телеграмма с приглашением посетить СССР с дружественным визитом.

Говоря о последствиях этого «бунта маршалов», то они не замедлили проявиться: Ворошилов на следующий день был тяжело ранен под Либавой, повторил свои приключения под Ленинградом в том 41-м, а Тимошенко сначала самоустранился от командования направлением «Запад», переложив все на Жукова. Тот через неделю «взбунтовался» и пожаловался Сталину, результатом стало назначение его командующим направлением, а Тимошенко отправили в Сибирь. Не по этапу, а командовать направлением «Восток». Наступление немцев замедлилось через три дня, а активные действия люфтваффе резко пошли на убыль, сорвались графики поставок всего и вся из-за нарушения схемы логистики. Штаба как такового у них не стало. Гитлер не пострадал и уже в 10 часов утра выступил с обращением к нации по Deutscher

Rundfunk. Ругался, обещал жестоко отомстить коварным и неразумным хазарам. И еще один «прикол»: в те дни удалось отменить одно страшное распоряжение наркома обороны Ворошилова. В 1934 году, будучи в этой должности, он ввел в армии и на флоте «институт военных финансовых инспекторов», дабы не воровали так казенное имущество. Так вот, по одному из приказов этого ведомства срок службы планера ТБ-3 был определен в пятьдесят лет. А срок эксплуатации его обшивки – десять лет. И их было не списать! Только если они попали в аварию и не подлежали восстановлению. Бомбить Берлин, Париж и Нью-Йорк, по мнению военфининспекторов, в 1944 году мы были должны на самолетах ТБ-3. А списывать их планеры в 1984-м. В противном случае командира части ждал суд военного трибунала.

Глава 3. 24 июня: Черчилль, III Интернационал и другие участники

Лорда Черчилля сами «исполнители» не заинтересовали. Он с интересом вглядывался в глаза простых солдат, стоявших в почетном карауле, охотно говорил с летчиками уровня командира звена и эскадрильи. Два генерала его не интересовали от слова «вообще». Мне повесили на шею какую-то цепь, сказали, что в декабре я приглашен на вручение остальных атрибутов ордена, но звание «почетный» перечеркивало всякое рыцарство напрочь. Не смешно! Ну, Михаил, ну, Георгий, ну, рыдель. Кто ж меня, с моими «нулями», туда отпустит? Пусть Георг сам летит сюда и вручает. Гораздо важнее были заключенные договоры по поставкам сюда коллиматорных прицелов, оптики, фотоаппаратов для разведывательных самолетов и тяжелых бомбардировщиков. От строительства завода для производства «мерлинов», от «Роллс-Ройса», мы отказываться не стали. Но перед визитом произошли довольно важные события на нашем советско-германском фронте. Во-первых, направили в Балбасово еще два полка: 174-й и 184-й ШАП из Монино, где была устроена «переучка» с тренажерами, как для летчиков, так и для штурманов-стрелков. Вместе с полками вылетел генерал-лейтенант Григорий Кравченко, который из двух кадрированных дивизий сформирует 1-ю ИВА, истребительную воздушную армию. Самолетов там достаточно. А командир 11-й САД подполковник Петр Ганичев, отличившийся в боях у границы, сформирует 1-ю ШАДОН – штурмовую дивизию особого назначения в составе пяти полков. Двадцать третьего июня пополнили 213-й и 214-й полки еще двенадцатью ТИСами и 64 Пе-3, часть которых была оснащена локаторами. Но ночных прицелов у «пешек» не было. Их за год выпустили сорок штук, двадцать четыре стоят на ТИСах, а шестнадцать на СПБ-2. Есть двести сорок почти готовых прицелов, но каскадно-усилительных ламп в оптическом усилителе нет. Все забракованы. Без этой лампы прицел не работает. Но РУ ГШ предупредило, что 1-й ночной полк люфтваффе поднят по тревоге и барражирует Балтику. Прорываться к цели придется с боем. Цель – пятнадцатиметровые радиолокаторы, которые использует этот полк и ракетный полигон в Пенемюнде, и аэродромы и казармы самого большого в рейхе авиационного училища Грайфсвальде. Причем РУ прислало аэрофотоснимки этих объектов, обозначив важнейшие из них. Отдельно выделено здание института Макса Планка. Этот объект подлежит полному уничтожению. В его лабораториях готовят образцы UF5 и UF6 для отделения U235 от его неделимого собрата физико-химическим способом.

Первые BF.110.D1 были обнаружены еще у мыса Хобург, юго-восточной оконечности острова Готланд. Четверка Пе-3, форсируя моторы до предела, догнала три из четырех «мессершмитта» и сбива их, но ведущий сбросил «даккельсбах» и на пологом пикировании ушел от звена Пе-3, которым пришлось сбросить ПТБ, чтобы нагнать разведчиков немцев. Вся наша четверка повернула назад. Радист немца сыпал в эфир морзянку, предупреждая своих о появлении крупного соединения врага.

На траверзе мыса Дуюдд острова Бронхольм радиолокаторы обнаружили 48 отметок целей на высоте 10 230 метров. Разбитые на пары немцы ожидали подхода группы. Вперед выдвинулись Пе-3 и ТИСы. Немцы не прореагировали на перестроение, видимо их локатор такие «мелочи» не замечал. Немцы осторожничали, они были в курсе, что восемь из девяти их товарищей открыли купальный сезон. Один не выпрыгнул. И ждали, когда погаснут последние лучи зари. Считали, что их «каммхуберы» лучше сработают. Пара ТИСов рванула к берегу, отрываясь от группы и пытаясь выставить немцев на фоне слабенького полярного сияния на севере. Немцы разгадали маневр и пошли за ними. Затем кто-то из их командования заявил, что их уводят от основной группы, и это западня. Они развернулись, и последовала первая

атака ТИСов. Один «мессер» вспыхнул, второй объявил о повреждениях, группа опять развернулась, но их атаковали в хвост остальные русские истребители. Но атака была отбита, и немцы ушли наверх с переворотом. Ночью на таком маневре преследовать цель очень тяжело. Немцы были очень слетанны и действовали грамотно. Просто наших было много больше. С разворота немцы пошли в лобовую на бомбардировщики, но те их встретили мощным и точным огнем. Пришлось отворачивать, теряя машины, и запускать истребители в хвост. В этот момент первая девятка СРБ-2 свалилась в пике, вспыхнули осветители, и вниз пошло большое количество ракет. Меньше чем через минуту стало понятно, что бой немцами проигран, они лишились наведения на цель. Вторая девятка ударила по зданиям у канала, где находилась сама радиолокационная станция и трансформаторы, снабжавшие полигон и аэродромы в Парове и Пенемюнде. Через шестнадцать километров осветитель, шедший на недоступной для ВР.110.С5 высоте, выбросил две серии осветительных бомб, и остальная часть бомбардировщиков свалилась в пике, стирая с лица земли ангары, казармы, штабы и даже столовые, под которыми находились бомбоубежища для личного состава. Одна девятка вывалила 14 тонн бомб на здание института Планка и небольшой склад, где лежала урановая смолка в бочках. Попытки немцев атаковать оканчивались выходом им в хвост нескольких «пешек» или ТИСов. Русские ушли, оставив у себя за спиной кучу развалин, шесть самолетов-бомбардировщиков и один истребитель они потеряли от действия ночников и зенитчиков.

Самое большое приключение случилось в Тукумзе! Первым на аэродром приземлился «мессер», из которого вылезли гауптман люфтваффе, женщина и старик. Старик предъявил «шелковку», на которой было написано, что он – третий секретарь ЦК компартии Германии. Как и когда «немец» пристроился к группе, никто не видел. Он был командиром того самого полка, с которым дрались ночью. Сказал условные фразы и сообщил, что имеет «воздух» для Москвы. Москва подтвердила, что ожидает этих людей, и их отправили туда. В этот же день вечером его привезли обратно, он сел в «мессер» и его сопроводили до Балтики. «Мессер» растворился в темноте над самой водой.

Я в тот день чуть пораньше закончил дела на заводе и в институте. Непосредственного участия в разработке этого задания я не принимал и ничего об этом не знал. Только о том, что еще двенадцать машин ушло в Тукумз, и все последующие будут выпускаться без ночных прицелов. Те лампы, которые выпускались в Питере на «Светлане» – работали, а вся партия новосибирских ламп забракована. Ругался с Авдеевым, главным инженером Новосибирского электролампового завода. Валентин оправдывался, что «химики» нахимичили, и катоды на заданной температуре «не парят». Холодный катод чувствителен к химическому составу сырья напыления. Плюс разбирались с большой партией Ил-10, 18-й завод наконец-то освоил их выпуск в заданном дневном объеме, хотя больше подходит «суточный». Сталин на них «наезжал» ежедневно, и две недели назад заводчане вышли на стабильные 32 машины в сутки. Но полезли мелкие недоделки в ночные смены. Их не принимала военная приемка, и приходилось выходить между сменами днем и устранять недочеты, а потом упаковывать машины или отдавать перегонщикам. В основном пока машины идут без упаковки в Монино. Я знаю, что через некоторое время и упаковывать машины перестанут. Будут грузить на платформы, без крыльев, крылья под фюзеляж и накрывать брезентом. Потом крылья будут путаться, а войсковые ПАРМы писать длиннющие бумажки о некондиционной сборке. Заводские бригады будут мотаться по всей линии фронта и устранять недостатки. Обычные проблемы крупной серии.

В этот раз перегонщики (кстати, среди них был самый большой процент потерь среди летного состава, почему после войны и состоялся суд над Новиковым и Шахуриным, «дело авиаторов») доставили сразу 72 машины, которые садились в Монино все утро. Заполнены формуляры, техника официально встала на вооружение двух полков. Время на освоение машин здорово подрезали, но и сами летчики, в основном очень значительная их часть, рвутся

обратно. Они прибыли из Белоруссии почти три недели назад, а тут война, а там, в Лиде и Молодечно остались семьи, девушки, друзья. И всему этому грозят гусеницы немецких танков, а они здесь безлошадными в «шариках» катаются, тем более что половина этих полков уже переместилась в Витебск. Они же не знают, что те тоже сидят во втором эшелоне и только утюжат полигоны. Как замкомандующего, ставлю подпись в книге приказов о комплектации полков и в приказе на перелет. Проводив взглядом крайнюю пару и увидев, что самолет Ганичева вышел из виража и лег курсом на запад, сел в машину и поехал домой. Есть, спать и помыться. Это тоже необходимо, иначе здоровье может подвести. Катерина еще отсутствовала, у нее смена в 16.00, а потом курсы санинструкторов, еще два часа, иногда три, в школе в городке. Поэтому принял душ, в ванну лезть не рискнул, могу уснуть запросто, поел, отвечая на вопросы о положении на фронте со стороны Карины, затем забрался под одеяло, сняв с себя всё. Впервые за пять суток. Через некоторое время меня немного и очень ласково потревожили. Легкие поцелуи и поцелуйчики переросли в нечто большее, и тут в соседнем кабинете позвонил ВЧ! Он, наверное, на это дело специально настроен! Я так пожалел, что автоответчики остались в другом времени: «К сожалению, мы не можем подойти к телефону! Но мы вам перезвоним, говорите, пожалуйста, после сигнала!» Снимаю трубку, Поскребышев.

– Святослав Сергеевич, вас просят подъехать, срочно.

– Есть! – «Сатрап! Такой момент испортил!»

– Ты надолго? – спросила Катя.

– Не знаю. Срочно... Я поскакал.

Какая к черту семейная жизнь? Война, что-то случилось. Завтра прилетает Черчилль, скорее всего, из-за него. Москва стоит без огней, светомаскировка на окнах, аэростаты заграждения. Над Берлином их тоже много. Во всех парках и скверах стволы 85, 76 и 57-мм пушек. На крышах счетверенные и строенные пулеметные и пушечные установки. Где-то высоко в небе невидимые с земли дежурные самолеты. Противник далеко, но дальние Ju-86R у него имеются. И противник долго с ответом задерживаться не будет. А что у него есть? Из готовых только «Кондор», и их выпущено совсем чуть-чуть. Сложный и неповоротливый самолет, несмотря на мощное вооружение, просто мишень для Пе-3 и И-180. Что-то было у Юнкерса, Ju-90, который не пошел по прочности, и из него сделали потом Ju-180. «Хейнкель-177» трех модификаций, из которых «Гриф» строился серийно, но первый полет 1942 год. Причем Хейнкель – это Варнемюнде, Росток и Ораниенбург. Этот маршрут мы уже опробовали. Дорнье... Бюро расположено в красивейшем месте Германии: на берегу Боденского озера, на самой границе со Швейцарией. Там в местечке Зеемос и расположен большой авиазавод. Там строили знаменитые цеппелины и летающие лодки. Это одна площадка. Вторая непосредственно в городе, занимает примерно четверть «старого» города в юго-западной оконечности аэродрома. Далеко забрались. Достать их можно, конечно, но добираться туда тяжело!

Вот с такими мыслями я ехал в Кремль, готовясь отвечать на неудобные вопросы.

В кабинете, как обычно, полно народу, в основном все знакомые. Смушкевич у Жукова, видать, личным пилотом подрабатывает. Шапошников. Так, вот этого человечка я помню по фотографиям, это – Мехлис. Такая одиозная фигура: начальник ГПУ, Главного Политуправления РККА и РККФ. Или у РККФ было свое управление? Не помню! Но это и не важно. А этих трех вижу точно в первый раз. Один из них в гражданке и одет странновато. У нас так не одеваются. И девушка, молодая и симпатичная. Прислушиваюсь к разговору, а мне даже доложить о прибытии не позволили, Поскребышев лично проводил в кабинет и посадил за стол. Со знакомыми мы просто кивком головы поздоровались. Выступал генерал-майор, танкист, и рассказывал о положении в Германии. Откуда он это знает? Обсуждается, сколько наземных сил имеет люфтваффе в Берлине. А нам какая разница? Много, все зенитчики – это люди Геринга. И тут до меня доходит, о чем идет речь! Твою мать! Они революцию в Германии хотят замутить! Там же сплошные нацики! Их мордой по столу возить надо, и большую часть просто

расстреливать за принадлежность к СА и СС. Их только могила может исправить! Да, ситуация, когда их бабам за кусок хлеба и нейлоновые чулки придется обслуживать черных членов общества оккупационной американской армии. По-другому – не дойдет! Во влип! Щаз ведь ляпну чего... Нету во мне ни капли пролетарской солидарности! Из разговора и вопросов становится понятна тема заседания. Компартия Германии, разгромленная и растерзанная Гитлером и Герингом, но законспирированная и все еще достаточно мощная, опираясь на часть командования люфтваффе, наиболее одиозные фигуры которого погибли или находятся в госпиталях, и на значительную, по их словам, часть генералитета вермахта подготовили вооруженный мятеж в Берлине с целью устранить Гитлера от власти. В Берлине после наших ударов сложилась уникальная ситуация: более 80 % процентов гарнизона города – силы ПВО, командиры которых готовы поддержать выступление. А куда деваться? Налет прохлопали они, и отвечать за то, что сделано – придется. А гестапо и полиция, которыми ведал тот же Геринг и погибшие Гиммлер и Гейдрих, пока находятся в легком ауте от произошедшего. Немцы просят поддержать их мощными ударами, чтобы показать остальным частям вермахта, что катастрофа неминуема. Командование люфтваффе предоставило справку об остатках топлива, вооружения и запасных частей в составе действующих на Восточном фронте флотов. И карту с основными и полевыми аэродромами. Кроме этого подробную оценку морального и технического состояния большинства гешвадеров и групп. Места базирования штабов авиационных областей. Филин передал мне эти бумаги. Справку готовил профессионал. Даны координаты и места расположения радиостанций с частотами. Бей, на выбор! Я черкнул на листочке вопрос и передал его Филину: «А если это липа?» Тот отрицательно покачал головой. Ни хрена себе! Вот это номер! Быстренько посчитав в уме «сумму от этого деления на ноль», начинаю прикидывать силы и средства. А их должно хватить! Ну, скажем прямо, Сталин развернуться нам сильно не дал, ограничив наши желания одним участком: фон Бок, группа армий «Центр», но в качестве запасных целей – пункты управления фон Лееба. Бить все равно придется оттуда, а по ходу пьесы перемещаться в центр. Во втором эшелоне там у нас 750 истребителей, 11 полков на И-180, которые в боях участия еще не принимали. 3600 тонн топлива в 168 цистернах на ходу, и незадействованные полки «арочек», ДБ и ТБ. Общим числом более 2000 машин. После пяти дней боев на «ходу» в первой линии 3236 «долгоносиков», часть сбита, часть повреждена, часть разбита при посадках, остальные во втором и третьем составе полков на складах дивизий и корпусов. И 1280 «капелек», которые потерь и повреждений не имели. Остальные 60 машин в резерве.

Жуков уже подтянул к своему левому флангу две армии: 21-ю, генерала Ефремова, и 13-ю, генерала Филатова. Удар направлен во фланг 4-й армии фон Клюге, который «забуксовал» у Пинского УР, в направлении Бреста, на соединение с частями четвертой и десятой армий. И на Ковель, против шестой армии Рейхенау и 1-й танковой группы Клейста.

Разбор сил и средств не занял много времени, но когда возник вопрос о перемещении группы АГОН, пришлось попросить слова.

– Генерал Никифоров, – представился я остальным, кто меня не знал, – считаю, что решение о перемещении ОГОН преждевременно. Их необходимо переместить в Гомель или Бобруйск, но не раньше, чем нынешней ночью. Целесообразно выполнить налет на Варшаву с подходом с запада. Но мне и генералу Сакриеру необходимо вылететь в АГОН, чтобы подготовить самолеты для работы по варшавским мостам. В случае успеха этого налета всему вермахту будет понятно, что афера Гитлера и надежда на легкую победу – лопнула. При атаке с востока и северо-востока внезапный налет невозможен. В Новогеоргиевске и в Варшаве стоят немецкие локаторы, направленные на восток и северо-восток.

– А вам туда зачем лететь? – спросил Сталин.

– Так будет быстрее, у меня двухместный «долгоносик». А инженер-генерал Сакриер на сегодняшний день единственный специалист по подвеске спаренных бомб.

– Обсудим после совещания, товарищ Никифоров. У меня к вам еще несколько вопросов, а Сакриера может доставить любой пилот. – «Вот те хрен, товарищ Никифоров. Сиди в Чкаловске!»

Впрочем, вылетать в Тукумз все-таки пришлось. Спасибо Филину, что поддержал, да и немецкие гости, из-за которых меня не хотели отпускать из Москвы, сослались на то, что валяются с ног от усталости, и сами перенесли свой визит в институт на следующий день. Не привыкли они работать, как мы: ночами. Эту ночь АГОН пропустил и не летал в тыл ночью, чтобы не поднимать по тревоге самолеты немцев. Но перед этим Сталин озадачил меня одним «небольшим заданием». Он именно так мне и сказал.

– Мы с вами говорили на эту тему, товарищ Никифоров. Товарищи из ЦК Компартии Германии направили к нам на работу двух специалистов по работе с ураном. Они предлагают для этой цели использовать так называемую газовую центрифугу. Вот взгляните, что предлагается.

Старший из немцев вытащил хорошо сделанный чертеж. Ну, да, я этот чертеж как-то видел и хорошо помню, что сделанная по нему центрифуга имела очень малый срок работы. Все упиралось в подшипниковые узлы. Во-первых, гигантский размер – 10 метров в длину, во-вторых – подшипники, и третье – она была горизонтальной. Я читал когда-то статью Власова, Козлова и Колесникова и представлял себе сложность поставленной задачи, но если с этим справились тогда, а остальные методы разделения еще более дорогие и затратные с точки зрения потребления электроэнергии, а делать ее все равно придется, то деваться было некуда. Тем более что мощные магниты у нас уже имелись, так что задача по созданию надкритичной центрифуги – решаемая, причем со значительной скоростью вращения. Тонкостенные стальные трубки нужного диаметра мы используем для наших ракет.

На следующую ночь 213-й и 214-й полки ушли на малой высоте в сторону Данцига. Благодаря тому, что стало известно о немецких локаторах, удалось обойти передовой дозор 1NJGr, затем набрать высоту и пересечь побережье на большой высоте, никого вокруг не потревожив. Над генерал-губернаторством шли переменными курсами, придерживаясь лесов. От Шнайдемюля пошли напрямую на Варшаву. Коды немецкие сумели получить и использовать. Шли на высоте 5500, которую штатно использовали немцы. С нее и были атакованы три железнодорожных и два автомобильных моста в Варшаве. Использовали новый прием: атака парами, один из бомбардировщиков нес ракеты и подавлял зенитный огонь, второй сбрасывал бомбы. Все предместья получили серьезные повреждения. Кроме мостов, были атакованы склады в Аркадии, Гуте, в Бабице, в Праге и Грохове. Впервые были применены зажигательные напалмовые бомбы, их называли «сгущенка» по консистенции бензина и пирогея. Из Минска Мазовецкого поднялись ночные «Юнкерсы-88» и с нулевым результатом. Ни перехватить, ни даже обнаружить АГОН они не смогли. Через 15 минут после атаки самолеты группы вошли в воздушное пространство СССР. Не ждали их немцы с Запада, совсем не ждали. Аэродромы в Белоруссии забиты техникой и людьми. Бобруйск и Могилев группу не приняли. Садиться пришлось у Сожи на полевые аэродромы. Только там смогли обеспечить посадку, топливо и боеприпасы.

Двадцать седьмого прилетел Черчилль в Москву, а утром 28-го наши войска под Брестом начали наступление. А англичан пустили в НИИ ВВС! Ничего более идиотского придумать не могли. Черчилль со Сталиным вели переговоры в Кремле, а по секретному испытательному центру гуляли английские офицеры и генералы. «Гласность, открытость и толерантность! В одном флаконе!» Я не знал, куда деться. Как назло, из Калининграда прилетел ДВБ-102 на перемоторивание. Но уродливые выступающие нагнетатели произвели на англичан отрицательное впечатление, поэтому проскочило. Ведь обсуждался вопрос о поставках «манчестеров», «галифаксов» и «стирлингов». Свой у нас только один тяжелый, да и то в наилегчайшей весовой категории. И с выпуском огромные проблемы. Основные надежды я связывал с

«Манчестером»: во-первых, двигатели на него есть, во-вторых, он по грузоподъемности один в один с «Ланкастером», который еще не предлагают вообще, но проще в обслуживании, а это в наших условиях ох как немаловажно. «Авро» мечтает построить завод и передать лицензию по обратному ленд-лизу. Заводы нам нужны. Общее благоприятное для нас впечатление испортили под конец две подставы: Монино не смогло принять срочно несколько Ил-10, и они плюхнулись на наше поле. Летчики-перегонщики не смогли переключить топливные танки, садились аварийно и с ходу. А затем из Горького с 21-го завода прилетела целая эскадрилья Ла-9, опытных, для испытаний. Причем «по личному распоряжению товарища Сталина». Сталин знал, что делает! Сейчас немцы на «фоккерах» начнут рвать, как тузик грелку, английские «спитфайры», а тут на сцену выйдет добрый дедушка Сталин, и выдаст 690 км/ч и скороподъемность 1064 м/мин, против 610 и 864 соответственно, и двукратную дальность по сравнению с «фокке-вульфом». Да, они – опытные, и сделаны из ленд-лизингового дюралю. Но в них учтен опыт их строительства и эксплуатации с 1946 по 1953 год, включая корейскую войну.

Через три дня 4-я и 21-я армии соединились у Вельямовичей, образовав первый в этой войне котел. За эти дни люфтваффе в 1-й авиационной области особого назначения потеряло штаб, 2-й и 9-й авиационные корпуса, еще один штаб вновь образованной XX АООН и 7-ю зенитную бригаду. Еще восемь дней назад командующий 2-м флотом Германии генерал-фельдмаршал Кессельринг на аэродроме Тересполь говорил:

– Мои авиаторы! Вам удавалось бомбить Англию, где приходилось преодолевать сильный огонь зениток, ряды аэростатных заграждений, отбивать атаки истребителей. И вы отлично справились с задачей. Теперь ваша цель – Москва. Будет намного легче. Если русские и имеют зенитные орудия, то немногочисленные, которые не доставят вам неприятностей, как и несколько прожекторов. Они не располагают аэростатами и совершенно не имеют ночной истребительной авиации. Вы должны, как это всегда делали над Англией при благоприятных условиях, подойти к Москве на небольшой высоте и точно положить бомбы. Надеюсь, что прогулка будет для вас приятной. Через четыре недели войска победоносного вермахта будут в Москве, а это означает конец войне...

Его похоронили в Берлине через два дня после этой речи, он погиб на площади перед Министерством авиации рейха. «Не имеющие ночной истребительной авиации» имели ночную пикирующую бомбардировочную. Достаточно.

Исполняющего обязанности главнокомандующего люфтваффе генерал-инспектора Удета немедленно вызвал к себе Гитлер. Оказавшийся в котле Гудериан прислал почти оскорбительную радиogramму, что вынужден остановиться из-за отсутствия топлива, так как 4-я армия не смогла удержать позиции у Бреста, а противник авиацией уничтожил все автомашины со снабжением. Разъяренный содержанием телеграммы и не совсем понимающий, что произошло в Белоруссии, канцлер начал орать на Удета с порога. Удет повернулся к своему адъютанту и попросил его выйти. Это был условный знак, по которому десантный батальон «Штудент» начал разоружать охрану рейхсканцлера. Дождавшись, когда Гитлер на несколько секунд остановится, чтобы перевести дыхание, генерал-инспектор сказал:

– Мой фюрер, вы хорошо помните, что я сказал 10 июня, когда решался вопрос о нападении?

– Я не помню! Разговоров было много.

– Я сказал, что мы недооцениваем противника, который уже показал зубы в Греции. Второй флот разгромлен, и прикрыть Гудериана некому. Им понадобилось всего десять дней, чтобы стереть в ноль два авиационных корпуса, сформированных из лучших наших летчиков. Мы не смогли провести ни одной бомбежки, и не смогли захватить господство в воздухе. По данным полковника Зейдемана, начальника штаба бывшего 2-го флота, в течение трех дней русские произвели 22 тысячи боевых вылетов, большинство из которых выполнены бомбардировщиками и штурмовиками, которые русские до этого момента не использовали. Да, у них

нет новых бомбардировщиков, они летают на ТБ-3 десятилетней давности, которые несут три тонны бомб, и которых прикрывают штурмовики и истребители, выбивающие нашу зенитную артиллерию. Но этих ТБ-3 у них много. А люфтваффе у нас больше нет. Я создал люфтваффе из «Кондора», и всю авиационную промышленность Германии. Я акционер всех немецких авиастроительных компаний. Начав войну с русскими, вы обрекли нас на поражение. Второе поражение за двадцать семь лет.

– У меня под ружьем восемь с половиной миллионов человек.

– Их сотрут в порошок бомбами. С вами русских уже не остановить. Вы вызвали на переговоры Сталина, послали вместо себя подполковника Шуберта. Шуберт в плену у русских. Слепой. Вы знаете, почему?

– Нет.

– И никто не знает! Как можно начинать войну в таких условиях?

– Но Герман поднимал тост утром двадцать второго, что мы нанесли сокрушительный удар и вся авиация русских у границы уничтожена!

– Может быть, и поднимал. Вот фотографии с аэродрома Островок, наши наземные части его захватили. Где вы видите уничтоженные русские самолеты? Следы горелой резины, и больше ничего, а мы в первый день потеряли 726 бомбардировщиков, которые жгли эти надутые презервативы, а потом их жгли русские «долгоносики». Кстати, это старый, как смерть, «Ратте», который русские модернизировали.

Гитлер коленом нажал сигнал тревоги, но вместо эсэсовцев в кабинет быстрее ворвались десантники, герои Нарвика, и направили на уже бывшего канцлера стволы МР-40. Они чуть опоздали, ефрейтор успел раздавить ампулу с цианидом.

– Черт! Досадно! – генерал поднял со стола перчатки и вышел из кабинета.

Глава 4. В особой ударной группе

Но до этого еще четыре дня. А пока мы с Сакриером усаживаемся «спарку» И-16НМУ и летим в Тукумз. По дальности это две-три посадки. «Ишак» топлива берет – «мизер». Меньше, чем «мессер», заточенный под него. Крылья – тоненькие, там топливные танки не разместить, но и волновой кризис таким крыльям не страшен. И центроплан был занят механизмами уборки и выпуска шасси. У этой модели дополнительные три танка позволяли на бензине иметь дальность 1400 километров, а турбовинтовой, как у меня, вариант имел дальность 2400. Поэтому вылетать можно было без требований обеспечить заправку керосином в пункте назначения. Почему я и говорил Сталину, что самый быстрый способ обеспечить доставку Сакриера в Тукумз – использовать турбовинтовой И-16НМ с 2100-сильным двигателем Лозино-Лозинского и Климова. Один только нюанс: доступа к двигателю практически никто не имеет. Три моториста и бюро Климова. Я напевал какие-то песенки, иногда передавая их по СПУ. Иван Филимонович иногда подпевал, связь по СПУ на этой машине была дуплексной. Мы прошли над великолукскими болотами и вошли в район резекненского узла ПВО. Потом нас подхватила Рига, и мы сели в Тукумзе.

Командовал АГОН уже генерал-майор Николай Семенович Скрипко, только что присвоили, большой профессионал и отличный тактик. Его, как и всех вокруг, волновал один вопрос: самолеты есть, желание драться – огромное, а в дневные бои АГОН не пускают, хотя вокруг все только и говорят, что Либаву вот-вот возьмут немцы. Упорные бои идут на берегах Венты, через которую немцам не дают переправиться, а судя по приказам, АГОН готовятся перебрасывать отсюда куда-то в Белоруссию. Что? Отдаем Курляндию? У немцев здесь значительный перевес в численном составе. Требуются удары, дневные удары авиацией. «Не смеют, что ли, командиры...» Но немцы здесь действуют с бетонированных и хорошо укрепленных аэродромов в Пруссии. На юге немцы вышли к Шауляю. Положение достаточно сложное. Не слишком уверенное командование в первые дни войны значительно осложнило обстановку. Ситуация выравнивается, но пользуясь преимуществом в численности, немцы продолжают атаковать наши позиции и медленно, но продвигаются вперед.

– Все понятно, Николай Семенович, сложно, согласен. И недостаток сил очевиден. Перебрасываем сюда 20-ю армию. Почему ранее этого не сделали? Ну, я этого не знаю. Я, собственно, не за этим. Поставлена новая задача. Забираем вас отсюда. Должны были вчера приказ передать, да я попросил командование задержать вас на сутки. Соберите людей.

– Есть! Что их собирать, они и так все здесь. – Генерал тяжело вздохнул и рукой показал мне на выход. Места для расквартирования здесь не было. Личный состав группы жил в землянках. Собрались они быстро возле капониров с самолетами. Иван Филимонович чуть в отдалении что-то объясняет техникам и вооруженцам. Ну, а я здесь.

– Присаживайтесь, товарищи.

Дождавшись, когда летчики и штурманы усядутся на траву и достанут из планшетов карты, я начал постановку задачи.

– ЭН-34 смотрим. Задача группы: обойти Варшаву с запада, и нанести удар по трем железнодорожным и двум автомобильным мостам в Варшаве. Маршрут полета: взлет от города, высоту не набирать, влево над болотами, Лиелупе не пересекать, уходите в залив. Огибаете Курляндский полуостров, и так, на высоте сто метров, следуете в точку 56°11'30.0»N 18°34'45.0»E. Там в набор, десять тысяч, и следуете в квадрат 33-47. Нашли? Над озером Леба пересекаете побережье, на приглушенных моторах, и начинаете планировать на высоту «пять пятьсот». Обещали передать коды. Правую кнопку использовать в полете запрещаю. «Комарики» у всех? Связь в группе только через них. И только в экстренных случаях. Голосом работает только лейтенант Гопнер. Эрих! От тебя все зависит!

– Есть, товарищ генерал. Сработаем.

– Позывные для тебя придут вечером. Теперь об СПО. В районе Готланда на высоте восемь-десять тысяч находится патруль 1NJGr. Обычно – звено, шварм. Как утверждают немцы, их локатор поверхность практически не видит. Просто туда не направлен. Патруль часто меняет высоту, но уходить вниз ему запрещено. Так что возможность проскочить на малой высоте есть. СПО у всех должен быть включен! А то знаю я вас! «Пискун! Что от него толку!» Проскочить требуется незаметно! Второе место, где группу могут прихватить – Модлин, или на ваших картах – Новогеоргиевск. Ну и сама Варшава. Там антенна располагается в форте Августов. Это на юге Варшавы, прямо перед рекой. На запад она не смотрит, форт и городская застройка мешают. Но иметь в виду следует. Задачи по целям поставит командующий группой. Теперь посадка. Места в Белоруссии сейчас немного, туда подтянуты большие силы. Вам выделен Гомель, запасная площадка – Сож. Николай Семенович! Литерный 6Ж-12 приходил? Разгрузили?

– Так точно. Вчера.

– Итак. ЗБ250Р и РТ, и, ЗБ500Р и РТ. Вот таблицы поправок к ПБП-1Б, потом заберете и закрепите у прицела. Боеприпас новый, рассчитан на скорость до 800 км/час, бросать можно при любом угле атаки. Начинен сгущенным бензином с пирогелевой смесью, то есть – зажигательный. РТ состоит из трех частей, которые на высоте 200–250 метров от земли разделяются и падают раздельно, что позволяет накрыть большую площадь. Пятсот и двести пятьдесят – это вес боеприпаса. Пирогелевый состав позволяет поражать легкобронированные цели. В данном вылете применять против складов и вагонов на станциях Аркадия, Гута, Бабица, Прага и Грохов. Командирам эскадрилий уточнить загрузку. Теперь о мостах. По ним работают командиры эскадрилий, задача которых подавить батареи МЗА в предместье ракетами. Для поражения пролетов на выделенные для этого машины будут подвешены парные стокилограммовые бомбы. Бомбы имеют дополнительный взрыватель и соединены через эти взрыватели тросом. Трос помогает бомбам подорваться в непосредственной близости от пролетов. Обе бомбы подвешиваются на один замок. Ну, и то же новые бомбы: РБК, 250 и 500, в этом вылете применяться не будут. Они вас ждут в Белоруссии. Это кассетные осколочные бомбы, которые и на внешней, и на внутренней подвеске ведут себя как обычные, в отличие от РРАБ, у которой стабилизатор закручен, что создает довольно большие сложности с доставкой. После сброса углы стабилизаторов изменяются, и бомба начинает вращаться, по достижению заданной высоты и скорости вращения, кассета раскрывается и высыпает содержимое, взводя ее взрыватели. Начинка может быть самой разной. И, главное, собирается на заводе-изготовителе и не требует разрядки, как РРАБ. Вопросы есть?

– Есть!

– Слушаю.

– Капитан Кашин, 213-й полк. Один вылет в сутки – это курам на смех, товарищ генерал. Даже если он успешный. Когда воевать начнем? Вчера так вообще не летали. Люди воют, а мы сидим.

– Хотя и не по делу вопрос, но постараюсь ответить. Вы боксом занимались когда-нибудь?

– Сам? Нет, но наблюдать – наблюдал.

– Так вот, чтобы нанести удар, противника требуется подготовить, и подготовить свои позиции. Сейчас воюет наша истребительная авиация. На вашем участке не все хорошо получается, немец действует с подготовленных позиций, а мы с полевых аэродромов. В прошлом году Литва передала Германии плацдарм в Мемеле, и противник естественную преграду преодолел без боев. Вот и давит, стремясь выйти к Ковно по правому берегу. Мы, конечно, поменили аэродинамику И-16, и они теперь не уступают «мессерам» небо, но они как были «ишаками», так ими и остались. 1 час 10 минут полета. Много с такими не навоюешь. Сопроводить

вас они не могут. Сколько сейчас ТИСов вас сопровождают? Петр Васильевич, подскажите, сколько боеспособных машин у вас в 169-м?

– Тридцать пять, ближе к вечеру придут еще тринадцать.

– Прицелы у всех ночные?

– Работают только на двадцати четырех. У остальных кнопка заблокирована: «Не включать!»

– Могу сказать, что раньше чем через полмесяца кнопочку разблокировать не сможем.

– Вредительство?

– Нет, брак, а в результате лампы не работают, требуется подобрать новые резисторы и прогнать схему на отказ. А это – время. Поставили входной контроль со спектрометром, а это – снижение выпуска. В общем, замкнутый круг. Продукция новая, выпускаем всего полгода. Когда делали в Ленинграде, то все работало. А в Новосибирске все встало. Так что, не готова 23-я дивизия воевать в полную силу, и чтобы вас не растерять по дороге, приходится подбирать вам условия для нанесения удара. Так понятно, капитан?

– Не совсем. Говорили-говорили о войне, а к ней оказались не готовы.

– А вы забыли, что ваш полк завалил в прошлом году проверку. Как же вы, капитан, лично готовились к войне?

– Топлива не было. Оно недавно появилось.

– А у нас все недавно появилось. И этих машин еще недавно не было. Так что отставить разговоры, готовьте машины. Тех, кто пойдет с парными бомбами – ко мне.

Подшло восемнадцать экипажей, две эскадрильи. Одной командует капитан Соловьев, второй – тот самый Кашин.

– Хотели поработать? В районе Либавы есть станция Барта, с немецкой колеей. Нашли? Южнее – два моста, по которым немцы перебрасывают подкрепления и бронеплощадки гоняют для обстрела наших позиций. Между станциями Сламсты и Йека. Первый – через Барту, второй – через Йекупу. Нашли?

– Да, видим.

– Ну, вот, две эскадрильи – два моста. Прежде чем совать голову в пасть тигру, потренируйтесь на кошечках. Чтоб под Варшавой не промахнуться. Прикрытие обеспечит 169-й ИАП и 148-й полк 6-й САД. О готовности – доложить. Я на КП. Особое внимание немецким батареям. Первыми заходят машины с С-8.

Через полчаса машины пошли на взлет, а радисты внимательно следили за эфиром. У начальника третьего отдела дивизии есть подозрения, что неподалеку работает немецкая разведгруппа. Поэтому он заранее разместил четырехугольником несколько пеленгаторов. Действительно, сразу после взлета заработало две радиостанции: одна – из Тукумза, а вторая – из болотистого лесочка под Кудрой. Сообщили координаты НКВД, они начали прочесывание леса, а группа старшего политрука Васенко начала проверку домов в Сакумзе, небольшом местечке перед железной дорогой. И там, и там был бой, потери. В Сакумзе работали местные, бывшие айзсарги. А в лесу – немцы, высадились с моря. Тяжелый регион. Одно хорошо, что успели ликвидировать эту заразу до вылета на Варшаву.

6-я САД уже «работала» по этим мостам, потеряли шесть СБ, успеха не достигли. Попробуем пикировщиками. Комэски уже воевали в Греции, так что промахнуться не должны, посмотрим, как у остальных получится. Из Повундена взлетает целая группа немцев, не меньше, набирают высоту над Куришес гаф. Я решил треугольник на планшете: немцам идти 22 с половиной минуты, эскадрилья Соловьева успевает нанести удар по мосту через Барту, и уйти, а у Кашина всего около 65–90 секунд, чтобы правильно отвернуть и избежать встречи с противником. Но Угроватов тоже решил «треугольник» и направил пару ТИСов навстречу немцам: подразнить и оттянуть на себя. Вижу, что в воздухе появляются еще и еще отметки с

нашей стороны. От Либавы, Кулдиги и Салдуса поднимаются нечеткие отметки, это И-16Н. Из Газенпота, Айзпите, еще 16 отметок, которые шустро лезут на высоту и у них есть отметки «Я-свой». Это – «капельки». Бой разворачивается, и численное преимущество у наших. Соловьев ударил с ходу, и по двум целям, чуть юго-восточнее – шоссе-мост через Барту. Доложил о попаданиях, оба моста лежат. Я еще раз проверил время, немцы прибавили и могут перехватить Кашина.

– Два-тринадцать-один, отворачивай, домой.

Тут какая-то нехорошая личность лезет в эфир и командует:

– Два-тринадцать-один, я – «Бобер-25». Работай спокойно, прикрываю. Врежь им! Тут колонна.

– Вижу, работаю. Сергеич, все будет хорошо! Атака! На выходе влево! Вправо-вперед не ходить!

В воздухе уже более трехсот машин. Кашин выполнил три захода, пустой, идет домой. А над Бартой развернулся серьезный бой. Заодно попало немцам под Мемелем: у села Каспарикес вскрыли скрытый аэродром немцев, и 1-я воздушная армия проштурмовала его. Спалили топливо, порядком изрыли поле. Три машины у Кашина имеют повреждения, встанут на ремонт. По мосту они не попали. Сам Кашин бил по батареям, попадания есть, но вместо его эскадрильи бомбить мосты в Варшаве будет другая.

Перед самым вылетом в Москву на аэродроме появился генерал-майор Куцевалов, командующий 1-й воздушной. Он приехал договариваться, чтобы завтра повторить налеты на мосты, что удачно получилось выманить немцев из-под Кенигсберга. Пришлось его огорчить, что больше АГОН в его районе работать не будет.

– Да что такое творится? Где обещанные самолеты? У меня десять полков, это даже не корпус. Отзывают на перевооружение, и они «исчезают».

– 288-й и 502-й полки получают Ил-10, формирование закончат завтра, 28 июня. По истребительным полкам у вас пока неплохо, имеем 400 машин в резерве командования ВВС, предназначенных для вас. Но пока вы справляетесь.

– Что за машины и как долго придется переучиваться?

– И-180. Все ваши полки подготовлены к их приему. Утром начинаем работу у соседей. Уделите основное внимание Сувалкам. Не хочется, чтобы отсюда что-либо сняли в Белоруссию.

– Я вас понял, товарищ генерал. Жаль, что без штурмовиков придется начинать.

– Я попытаюсь их вытолкнуть из Монино еще утром. По прилету оформлю им бумаги. Там по линии третьего отдела придет бумага. Обратите на нее особое внимание. До свидания, товарищ генерал.

– А что так быстро улетаете, товарищ замкомандующего? У нас тут такая охота! Да и в баньке не мешает после удачного дня посидеть...

– Да, я уже наслышан про ваши баньки. Хвалили!!! И самогон тоже. Поэтому завтра прилетит новый командующий, а вы – в Иран, командиром эскадрильи. Рапорт майора Свитнева мною рассмотрен, решение согласовано с Политуправлением ВВС. Генерал Судец уже вылетел из Москвы. Сдавайте дела, и в Керманшах, перегонщиком.

Ко мне, как только прилетел, действительно, приехало несколько «делегаций» из первой авиационной с жалобами на командующего. Только политотдел армии вывалил штук сорок заявлений, где было все, от пьянства до угрозы оружием и организации борделя для проверяющих. Плюс пассивная оборона, без организации таких вылетов, как сегодня. Это он пыль в глаза начальству хотел пустить. Говорят, на Халхин-Голе он был другим. Это вряд ли! Такое не спрячешь, просто присматривались плохо.

Глава 5. После встречи с Черчиллем

Ушли домой, по прилету высадил Сакриера, доложил командованию и позвонил в Монино. Но вылет у них не раньше середины дня, машины еще полностью не пришли. Ворожейкин сообщил, что в партии опять брак, и двадцать машин поставит не ранее вечера. Задерживать полки не стал, приказал отправить с рассветом как есть, а оставшиеся перенаправить в Ригу. Пока «работаем с колес»: вся новая техника расписана заранее, и ее ждут в полках. Создать задел получилось только с СПБ-2, их, кстати, переименовывать собрались: По-4 и По-6, в зависимости от двигателей. Поэтому и занижаем активность штурмовиков и бомбардировщиков. Если еще и восполнять потери, то мы не сможем перевооружиться в этом году. Связался с Ворожейкиным, он командует дивизией особого назначения на «капельках». Предложил рассмотреть вопрос об отводе 9-го ИАП в Иваново для переучивания на Ла-9. Вопрос об их изготовлении уже решен, а по моим данным с 1 августа 54-й гешадер немцев начнет перевооружение на FW-190. По срокам мы успеем перевооружиться раньше.

– Я вас понял, товарищ генерал. Вопрос решаемый, первого июля начну отводить, поэскадрильно, чтобы сильно не ослаблять группировку. Пока надобность в нас довольно высокая.

А тут еще поступило указание срочно доставить товарища Молотова в Лондон и Вашингтон! И началось! Ну, не на чем нам это сделать!

– Как так! Вы же должны были перемоторить борт 4202!

– Ну, да, три дня назад он прилетел для этого.

– Штатное время для перемоторивания 26 часов.

– Возможно, это когда один двигатель меняют на такой же. А мы ставим новые двигатели и впервые. Пока сменили один, и есть проблемы с установкой пускового двигателя. Кабину подмоторного стрелка надо изменять или искать способ установки «пускателя» в другом месте. Так что, закончим не раньше, чем через неделю плюс обязательные испытания.

– Какой-нибудь другой борт можете использовать?

– У нас только один. Остальные борта принадлежат АДД. Звоните Голованову и выясняйте.

– Голованов к вам послал.

– А я к нему. Так что все в порядке. И вообще, ТБ-7 на такие расстояния не летает, пока. В любом случае необходимо что-то переделывать. Так что ждать придется.

Ждать, конечно, никто не стал. За сутки переделали самолет с № 42066, который с пятью посадками добрался-таки до Вашингтона и сумел вернуться обратно. Вот так впервые в истории наши «сходили за угол». Москва – Грязная – Киркуолл – Рейкьявик – Гуус-бэй – Вашингтон. Американцы могут спать спокойно! Наша авиация их не достанет. И у меня еще серьезный вопрос: какой мощности ставить двигатели на ТБ-7. Первый пока получает 4г2100 Климова. По моим расчетам дальность при этом останется неизменной или возрастет. Топлива у этой машины всего 9 тонн. Установка более мощных двигателей нецелесообразна из-за устаревшего планера. А вот у Мяснищева после установки двух 3200-сильных двигателей машина залетала! Чисто по весу выиграли 1800 килограммов, и он добавил топлива. Дальность достигла заветных 5000 километров с трехтонной нагрузкой, а максимальная скорость 720 км/час, дальность при этом, конечно, падала. Крейсерская скорость у него 580 на высоте 12 500 метров. Экипаж – три человека и все работают в гермокабинах. Тридцатого июня показали машину Сталину, но он был недоволен, что мы не смогли быстро отправить Молотова в Нью-Йорк. Тот пока в Лондоне. Поэтому машину не оценил, несмотря на то что получился самый быстрый бомбардировщик в мире.

– Недомерок какой-то, ни два, ни полтора. И до Америки долететь не может.

Самолет, действительно, небольшой: размах крыла – 25,17 метра, длина – 19,90, высота – 3,34. Низкий, плоский. По сравнению с В-29 – просто крошка! Размах крыла – 43,05, длина – 30,18, высота – 8,46 метра. Но летает в два раза дальше, и на 120 километров в час быстрее. Но в три раза уступает «американцу» в грузоподъемности. «Американец» еще даже не полетел, но Сталин показал его рисунок в трех измерениях.

– Model 334 или «Боинг В-29» до СССР тоже не долетит.

– Смотря откуда считать, товарищ Никифоров. Для войны в Европе самолет товарища Мясищева – избыточная машина. Можем его принять в ограниченную серию в морском варианте. Нарком Кузнецов жалуется, что у него нет машин, могущих вести разведку в океане. А для войны с Америкой требуется что-то более большое и дальное. А мы к этому даже и не приблизились. Мы поручили создать такой самолет товарищу Туполеву. Проект будет носить номер «85». Ваша задача, товарищ Никифоров, обеспечить машину двигателями. Дальность – 12 тысяч, потолок – 12 тысяч, грузоподъемность от пяти до пятнадцати тысяч килограммов. Оружейники говорят о таких параметрах для того самого изделия. Займитесь плотно этими двумя проектами, товарищ Никифоров, не отвлекаясь на работу в ВВС. Через несколько часов Адольф Гитлер будет низложен. Вот только мы сомневаемся, что это принесет нам быструю и безусловную победу. Но это даст возможность немного отсрочить начало большой войны. Теперь мы должны успеть подготовиться к ней. Мы не случайно показали новые наши самолеты господину Черчиллю, чтобы он имел возможность подумать: чью сторону нужно принимать в этой войне. Мы показали ему некоторые документы, которые предоставили вы, о том, что возрождение Германии – это американский проект немецкими руками нанести экономическое поражение Британской империи. Нам кажется, что премьер Черчилль задумался над этим вопросом. Совершенно неслучайно сразу за этим последовало приглашение нашего наркома иностранных дел в Вашингтон.

– Мне кажется, что этих двух направлений окажется недостаточно. Это раз. Второй неприятный момент: вероятная гражданская война в Германии. Такое развитие ситуации – весьма вероятно. И оно потребует от нас дополнительных усилий.

– Мы не намерены заключать мир с Германией иначе как на условиях ее полной и безоговорочной капитуляции. Об этом мы договорились с премьером Черчиллем.

– Американцы его сместят.

– Это вероятный вариант.

– Еще более вероятен сепаратный мир с Германией и объявление войны нам.

– В настоящий момент времени этот вопрос менее вероятен, чем остальные. К власти в Германии приходит человек, долгое время работавший на нашу разведку. И пока он находится у власти, этот мир с Британией невозможен. А мы окажем ему помощь. Но вы не закончили ваши предложения. Над какими еще вопросами требуется активно поработать, чтобы противостоять Америке?

– Управляемые ракеты и создание летающего танкера для дозаправки наших самолетов. Иначе будут получаться монстры вместо машин, типа В-36.

– А это что за зверь?

– Он сейчас разрабатывается в Америке. Самолет для бомбежки Европы в случае победы Гитлера в Европе. Первоначально Авиационный комитет США желал получить на вооружение бомбардировщик, имеющий максимальную дальность полета 19 тысяч километров на высоте 7500 метров при крейсерской скорости 440 км/ч, максимальную скорость на этой высоте 725 км/ч и потолок над целью 14 тысяч метров. Они передали уже задание на его разработку в четыре ведущих компании: «Боинг», «Дуглас», «Консолидейтед» и «Нортроп». Победит «Консолидейтед» проект или модель 36. Размах крыла 70 метров, длина самолета – 49, высота – 14, площадь крыла – 445 квадратных метров. Первый полет он совершил в 1946 году, так как острой необходимости в нем не было.

– Действительно, монстр! Как им удалось это сделать?

– Трофеи. Для его производства использовался японский сплав компании «Сумитомо Металл Индастриз». Японцам удалось получить уникальный кованный жаропрочный сплав алюминия с прочностью на разрыв 570 МПа на растяжение и 500 МПа на сжатие. И они использовали его на флоте и для строительства летающих лодок. Металл со сбитой лодки передали в компанию АЛКОА для спектрального анализа. Так родился сплав 75ST. В наше время он называется ALCOA 7075-T651.

– Мы сделать такой можем?

– Почему можем? Делаем. Вот только мощностей наших заводов и электростанций для этого не хватает. Крупнейшие заводы по получению алюминия построены на основе перекрытых Ангары и Енисея. Там в пятидесятые-шестидесятые был построен целый каскад электростанций, которые обеспечили страну ураном и алюминием. А маленькие партии таких сплавов мы заказываем в Волхове, в Кольчугино и в Запорожье.

– Кстати, а чем мы смогли ответить на появление этих монстров?

– Эм-три, самолет Мясищева, максимальная скорость – 925 км/ч, перегоночная дальность – 15 400 км. Практическая дальность – 11 800 км, ну, и практический потолок – 12 250 м. И Ту-95, о нем я уже рассказывал. В принципе, двигатели для аналогичного самолета, типа В-36, у нас уже есть. Топлива у него 71 тысяч килограммов. Наш ЛЛ-1 потребляет 600 килограммов в час. Два двигателя, соответственно, 1200 килограммов. А четыре двигателя – 2400. Расстояние – 13 000 километров. Берем машину Мясищева. Она у нас самой дальней получилась. Объем танков требуется увеличить в 3,4 раза. Не получается. А почему?

Сталин пожал плечами, и было видно, что этот разговор начинает его раздражать. Он привык, чтобы люди брали под козырек и через некоторое время докладывали, что задание выполнено.

– Потому что действуем в лоб. Используя устаревшие методики ведения воздушной войны. – Тут Сталин оживился и понял, что длинная прелюдия была необходима, чтобы он убедился в том, что американцы ошибаются со своей стратегией на строительство супербольших самолетов.

– И что вы предлагаете?

– Бомболюк этого самолета Мясищева имеет длину 7200 мм. По грузоподъемности машина может поднять две ракеты воздух-поверхность, для которых дальность 5–6 тысяч километров вполне достижима.

– И что получается?

– Пуская такие ракеты над южной оконечностью Гренландии, машины спокойно возвращаются домой, а вся территория Соединенных Штатов находится в зоне поражения.

– Наши ученые говорят, что атомная бомба будет иметь гигантский вес.

– Они еще не научились ее делать. Ядерные и термоядерные боеголовки довольно компактны. Вмещаются в артиллерийские снаряды 152 и 210 мм. Боеголовки ЗБВ3 и ЗБВ4 имеют вес 56 килограммов. Вместе со снарядом.

– Это существенно меняет дело. Как я вам уже говорил, принято решение освободить вас от должности заместителя командующего ВВС и подключить к Специальному комитету на правах первого заместителя его председателя товарища Берии. Нами создано Второе Главное Управление, возглавляет его товарищ Маленков, его заместителями назначены товарищи Устинов, Кабанов и вы. Кроме того, в Калининграде мы создаем новый научно-исследовательский институт, он носит номер «4». Считайте его своим филиалом. Я имею в виду: филиалом вашего института. Были разногласия по поводу принадлежности этого института. Главное артиллерийское Управление РККА считает, что ракеты – это артиллерия, но мы думаем, что вы приложили немало усилий для того, чтобы с помощью ракет добиться доминирования нашей авиации над полем боя. Ваши, с Сакриером, разработки позволили в короткий срок

создать многоствольную пусковую установку на сорок ракет в автомобильном варианте. Товарищ Сакриер назначен вашим заместителем в НИИ-4. Ожидаем от вас инициативной и качественной работы на новом поприще. Не забывая, конечно, и работу с нашими авиаконструкторами. Вы будете представлены к Государственной премии за 1941 год по итогам работы. А вы, товарищ Никифоров, что думаете о сложившейся ситуации?

– Ну, как бы так, помягче...

– Да говорите прямо, я пойму.

– Хреновая ситуация, но, насколько я понимаю, отказать немцам и... ну, этим самым, из Интернационала, вы не могли. Будем воспринимать как данность. Нам было бы лучше немного помедлить с этой самой «победой». Не так бы напугали местную живность. Но есть положительные моменты. Во-первых, все «победы» Великобритании так или иначе связаны с нашим участием. Мы же знаем, что их выперли из Греции и прижали к Каиру. Италия, кстати, весьма быстро восстановила флот. То есть общественное мнение Англии сейчас за нас: вмешались и помогли. Штаты? Официально они участия в войне не принимают. Имеют значительно устаревший флот, никакую авиацию и армию, и большие амбиции. Вполне обоснованные, но репутация будет подмочена подводниками Деница. Правда, американцы еще об этом не догадываются. Из имеющегося: неплохие бомбардировщики Бэ-17, крепкие, надежные, неплохо защищенные. Имеется недоведенный проект «Дугласа В-19». Этот нам бы пригодился, для него у нас все есть.

– «Дуглас В-19»? Записал, сколько у него моторов?

– Четыре.

– Продолжайте, товарищ Никифоров.

– Требуется исключить перетечку «мозгов» и технологий из Европы туда, и все вернется на круги своя. Что касается проекта «Манхеттен»... До настоящего времени – это малобюджетный проект, которым толком никто не занимается. Урановых месторождений в США еще нет. Уран поставят в 1942-м из Леопольдвилья, Бельгийского Конго, и оно долго будет лежать безхозным в порту Нью-Йорка. Шахты в Конго затоплены. Они принадлежат некоему бельгийцу Сенжье. Сами шахты находятся в Шинколобве, это в 21-м километре западнее городка Ликаси. Форсировать проект американцы начали после нашей победы под Сталинградом. Еще одно место, где брали уран: Большое Медвежье озеро на севере Канады. Там, конечно, сложнее их остановить, но через Черчилля может получиться. Ну и последнее. Собственной школы физиков у США нет, в проекте принимали участие европейцы. Реактор делал итальянец Ферми. Все привлеченные к проекту учились в Геттингене у Макса Борна. Вернер Гейзенберг, Паскуаль Йордан, Вольфганг Паули, Поль Дирак, Эдвард Теллер. Газодиффузионный способ изобретен в Германии и является основным способом получения урана 235 в Америке до сих пор. Но наиболее чистый материал они получали на циклотронах. Но все это требует огромного количества электроэнергии. Я переговорил с докторами Зюдовыми, младшая в лаборатории Гана готовила уран для разделения на газодиффузоре. Сам процесс знает в совершенстве, и остается только смасштабировать его в промышленный комплекс. Этот завод строился у нас в Новоуральске под Свердловском. Там все условия для этого есть. Сейчас там работает 183-й авиазавод. А их центрифуга, в том виде, как они ее привезли, работать не будет. Примерно знаю, что делать, разработку начали. Потребуется большое количество никеля, а это Колосий-оки, который зачем-то отдали Финляндии.

Сталин раздраженно махнул рукой, дескать, не отвлекайтесь, вопрос решен, чухны дорого заплатят за попытку обмануть его доверие.

– Понял. Для использования в оружии больше подходит плутоний, он – дешевле, но в природе не встречается, получается искусственно в ядерных реакторах при захвате нейтрона атомом урана двести тридцать восемь. Впервые плутоний в СССР получили на реакторе Ф-1 в Москве. В качестве топлива использовали природный уран: смесь изотопов 234, 235 и 238.

В качестве замедлителя использовали графит. Такой реактор тоже может работать, только он требует огромного количества металлического урана, что-то около пятидесяти тонн, и триста-четырееста тонн графита. В этом случае можно получить управляемую цепную реакцию. Нейтроны будут пронизывать стержни урана и накапливать в нем плутоний. Затем на более новых реакторах в активную зону стали добавлять бериллий, это позволило уменьшить количество урана в реакторе. А еще позднее запустили реакторы-накопители на быстрых нейтронах. В них в качестве теплоносителей используются расплавленные металлы: натрий, свинец или сплав свинца и висмута. А старые графитовые реакторы постепенно вывели из работы и законсервировали. Здесь есть большая опасность, товарищ Сталин. Эти реакторы «продолжают жить» и после остановки. Они очень радиоактивны, и без присмотра за ними там может произойти черт знает что. В общем, была бы моя воля, я бы запретил это все к чертовой бабушке, но приказать американцам мы не можем. И реально это оружие дает реальную защиту от агрессии, потому что угрожает самой жизни на планете. Теперь о средствах доставки: основным из них являются баллистические ракеты. На полигоне в Пенемюнде немцы испытывают ракеты V-2.

– И V-1, – добавил Сталин, показав, что в курсе проблемы.

– V-1 можно не учитывать, мы в своих разработках обойдемся без нее. А вот стационарные пусковые и испытательные установки представляют большой интерес. Работы там ведет СС. Наиболее интересен конструктор двигателя Вальтер Тиль, он, кстати, не эсэсовец. Кроме него, интересны Гельмут Вальтер и руководитель проекта подполковник СС Дорнбергер. Есть еще Вернер фон Браун, считающийся главным конструктором ракеты. Матерый нацист, ненавидящий нас, и, кроме денег, его больше ничего не интересует.

– Мы получили исчерпывающую информацию о том, кто есть кто в этом проекте. Этим вопросом серьезно занимается НКГБ, товарищ Меркулов. Всех, кого удастся задержать, направим в ваше распоряжение, товарищ Никифоров. У меня есть немного другой вопрос: не так давно я получил вот такое письмо. Все товарищи пишут сразу мне, считая, что я могу разобратся во всех вопросах. Пишет сотрудник НИИ-26 товарищ Ласкорин. Это здесь, по соседству, в Электростали. Отмечает, что шлаки и отходы комбината, если их подвергнуть выщелачиванию, дадут множество ценных материалов, включая редкоземельные, о производстве которых вы меня просили. Вы знаете этого человека?

– Метод выщелачивания – основной метод добычи урана и редкоземельных элементов. Фамилию разработчика не помню. Но замкнутый водооборотный цикл разработан в СССР. И он не использует фильтры. Одну минуту, товарищ Сталин, я где-то видел эту фамилию.

Пришлось доставать планшет, залезть в папочку PDF, шею мне за редкоземы мылили частенько. Эти отходы требовалось складировать, хранить в строго определенных условиях и отправлять по указанному в справочнике адресу. Нашел этот справочник, посмотрел список использованной литературы. Так, «Проблемы развития безотходных производств», серия «Охрана окружающей среды», Москва, СтройИздат, 1987 год, издание второе, под редакцией академика Б. Н. Ласкорина.

– Вот, товарищ Сталин. Судя по инициалам, пишет вам будущий академик Академии Наук СССР.

– Это хорошо, товарищ Никифоров! Подключите товарища Ласкорина к решению наших проблем с ураном. Там многое предстоит сделать.

Вот так я познакомился с человеком, метод которого мы использовали для того, чтобы получить титан из отходов Южно-Уральского металлургического комбината. А я ведь его фамилию даже и не помнил!

Глава 6. Неожиданный подарок судьбы

Разговор со Сталиным был долгим и касался многих вопросов. Меня переводили на острие будущих проблем. Считалось, что нам, в том числе и при помощи моих усилий, удалось переломить ситуацию в авиапроме, наладить выпуск важнейших комплектующих для неё, решить вопрос об обнаружении, наведении на цель и снять проблемы с обучением и переучиванием летного и технического состава. Налаженный механизм государственной военной приемки ликвидировал провалы в качестве продукции. Резко уменьшилась аварийность в частях. Снизился погодный порог для штурмовой, бомбардировочной и транспортной авиации. Пытаемся уменьшить вес оборудования, чтобы суметь разместить приборы «слепой посадки» на истребителях. Со скрипом, но радиопромышленность начинает осваивать полупроводниковые комплектующие. Работы там, в ядерной проблематике, непочатый край, но есть государственные интересы, и требуется переключиться в малоизвестную мне область. Но и этих «малых» знаний уже достаточно, чтобы не тыкаться в темноте, набивая шишки и наступая на грабли, исследуя тематику, находящуюся за гранью познаний человечества на тот момент.

Через два дня состоялся такой же длинный разговор с Лаврентием Берия, он курирует это направление, имея мандат ЦК ВКП(б) и неограниченные полномочия. Кстати, тут же вспомнилась «шуточка», которую попытался отчебучить Сенат США в середине 30-х годов. Ценой вопроса были спички. Угу, обыкновенные спички. Неожиданно спички из СССР заметно потеснили на рынке в США местных производителей. Они были качественнее и дешевле предлагаемых на рынке. Доминирующее положение решили «отменить», кинув немного денег некоторым сенаторам. «Лоббирование интересов» называется, используется до сих пор, многие на этом миллиарды скопили. Так вот. Эти самые «сенаторы» нашли причину, по которой спички из Советской России нельзя было ввозить в США: якобы используется рабский труд заключенных. СССР поступил мудро: провез сенаторов из США по нашим тюрьмам и колониям, где действительно производились экспортные спички. Коробки и сами спички были длиннее и толще, чем обычные, и выпускать на внутренний рынок такие было совершенно не выгодно, у нас существовал другой стандарт, и переделывать его не было никакой надобности. Заключенные, действительно, работали на этих фабриках, но они получали заработную плату, равную заработной плате на предприятиях в смежной отрасли по единому тарифу. И вопрос со спичками был снят с повестки дня. Надолго! До самого краха СССР, он поставлял в Америку спички. Иногда они попадали и на внутренний рынок. Те, кто постарше, может быть помнят более длинные коробки и более толстые спички, с надписью на английском наверху коробочки. Это продукция «закрытых предприятий», разработанная, чтобы удовлетворить тамошнего покупателя, под «их» стандарты, еще в тридцатых годах. Кстати, и крупнейший в мире завод по производству тракторов: Челябинский тракторный завод, был построен за счет спецоперации НКВД и НКТМ (Народного Комиссариата Тяжелого Машиностроения) под руководством Серго Орджоникидзе, его именем названы улицы во многих городах СССР, и когда-то целый город, в котором он родился, был назван в его честь. Так вот, неблагодарные потомки: для того, чтобы построить этот завод и на его основе организовать массовый выпуск танков Т-34, которые сломали хребет Гитлеру, в США был направлен некий Лещенко, «невозращенный» из СССР, которому некий «родственник» завещал крупное наследство в США. Этот самый Лещенко затеял строительство завода в США, нанял проектировщиков, в основном работавших на аналогичных фирмах там. Они сделали ему проект, а когда на него подали в суд за нарушение авторских прав и патентов другие производители тракторов в США, ему НКВД и НКИД обеспечили беспрепятственный выезд на Родину, и его официтальный багаж не проходил таможенный досмотр в Нью-Йорке. Он вывез всю документацию в СССР, и сам строил, был директором строительства и первым директором Челябинского тракторного завода. Сидел,

после смерти наркома, так как об этой операции особо не говорили. Вышел, и был замминистра МинСредМаша (бомбы делал и реакторы). Уникальные люди жили в те времена в СССР. Вот кому памятники надо ставить! Да где там! Потомки их не помнят, им iPhone важнее. Сидят в метро, уткнувшись в пятидюймовый экранчик, и читают собственные перлы на «фасябуке» Так вот, товарищи потомки, войну выиграл не мародер Жуков, а директора государственного завода № 2 Елян Амо Сергеевич, выпустивший на своем заводе 100 000, кто не понял: сто тысяч орудий для РККА, и Лещенко Сергей Михайлович, благодаря которому страна выпустила 106 тысяч танков и самоходных установок всех модификаций. Сергей Михайлович в годы войны возглавлял авиазавод № 22, эвакуированный из Москвы в Казань. Там было выпущено более десяти тысяч «пешек», большое количество ЛаГГов и Ла и все тяжелые бомбардировщики.

Мы все находимся в плену послевоенных мемуаров. Их писали те, кто ее пережил, и чтобы оправдаться за то, что натворили, благодаря кому пришлось отступать до Сталинграда. Вот и появлялись мемуары Яковлева, где он врал, что создал самый легкий истребитель войны, выиграл соревнование с *самим* Мессершмиттом, плевал на Сталина, и вообще, если бы не он... В этих условиях в сторону оказались отодвинуты такие *фигуры*, как Орджоникидзе, Устинов, Ванников, Л. Н. Кошкин, Лаврентьев, Лещенко, Елян и целая плеяда тех людей, кто в предвоенные годы провел индустриализацию страны. Ходит по нашей стране такой миф, что это сделали американцы. Да плевать они на нас хотели! Орджоникидзе послал людей в Америку учиться массовому производству. И занимались они промышленным шпионажем. Многие из них были там под другими именами и фамилиями. А вот теперь, дорогие читатели, представьте себя на месте того же Лещенко. Представьте, что на вас оформляют миллионное состояние умершего, совершенно постороннего, человека. Вам говорят, что едешь в Швецию и там заявляешь, что хочешь стать политическим беженцем из страны. Получишь нансеновский паспорт, и вперед, в Америку, там все готово, чтобы ты стал миллионером, легально! Я голову даю на отсечение, что большая часть из вас в этих условиях назад в «Рашку» не вернулась бы. Ведь все легально, и нансеновский паспорт дает возможность жить в любой стране мира. А он выполнил задание и вернулся. С проектом ЧТЗ, Челябинского тракторного завода. А потом, когда не стало товарища Серго, ему припомнили бдительные товарищи, что он клеветал на Советский Союз. На его место сел другой, более подлый, а он оказался в Калининграде, в одной компании с Туполевым, Мясищевым, Петляковым, Бартини. «Гвозди бы делать из этих людей...» Еще один нюанс: в авиапроме, действительно, важнейшим человеком являлся главный конструктор, а директор завода отвечал только за производство или главный конструктор совмещал эти должности, а в ТяжМаше и ОборонМаше такого положения не было. Конструктор завода напрямую подчинялся директору и выполнял его распоряжения. И спрашивали с директоров. После войны, когда начали появляться КТУ, ГТУ, специализированные НИИ и первые научно-промышленные комплексы, появилась должность генеральный конструктор, который стоял на ступеньку выше подчиненных ему директоров заводов. Это что-то типа холдингов, говоря современным языком. Но во времена Хрущева эти системы довольно успешно разгромили, чтобы потом создавать их заново. И низовое звено, каждый кулик считал, что все получает не тот, кто выполняет работу, а тот, который сидит наверху и вхож к Сталину. А все сделал он, этот самый кулик. И писал закладные, срывал, так сказать, вредительские действия руководства.

В общем, дело поставлено таким образом, что отказываться даже времени не оставалось. Страна требует! Да и помощников подбирали из тех людей, с кем привык и нравилось работать. Даже стеклодувов из Щелково не забыли. Регулярно появляются и спрашивают: правильно ли они поняли задание. Смотреть на них доставляет полное удовольствие. Старший из них при-

барахлился, ходит в костюме с галстуком и называет себя «рабочим интеллигентом». Когда я его назвал «мастером», попытался обидеться, пришлось долго объяснять ему, что слово означает не только и не столько должность, сколько умение делать свое дело.

– Это мы можем! И слово с делом у нас с Герасимовичем не расходятся. Ты бы похлопотал, чтобы нам «гас» подвели, дюже дорого получается карбид жечь.

– Там другая температура будет, в курсе?

– А то! Говорю тебе, «гас» нужен! Извольте дать, гражданин-товарищ... Да нет, барина ты уже не напоминаешь. Было... «Гас» нужен. И чилавек десять-пятнадцать «мальков», чтоб было кому передать, как это делать. Ты ж понимаешь.

Я улыбнулся и закивал старику, что сделаем. Будут у него ученики.

Проектанты просто замучили: подпиши то, достань это, а тут так не сделать, а здесь еще проклятый цилиндр центрифуги начал в шар превращаться, когда мы предел прочности по скорости вращения превзошли. Планеты ведь не случайно такие кругленькие, чуть приплюснутые с полюсов. Это центробежная сила их в шарики превращает. Трение в подшипниках мы убрали, крутись, себя не жалея. Ан нет! Пошли трещины в середине корпуса, и полет оных половинок, выданных этим самым ускорением из сердца пакета. Мы искали точку, выше которой при данном радиусе не перепрыгнуть. Порвет, к чертовой бабушке.

В один из дней Сталин, вместо того чтобы ждать результатов разделения, приехал в физический институт АН СССР, чтобы разобраться с потоком писем оттуда, да и меня с собой прихватил. Институт трясло, причин – множество. Подоплека – межнациональная. Если объяснять коротко, то русская часть института воевала с еврейской. И, поросята, не нашли ничего лучше, чем закладные друг на друга писать в НКВД. Освенцим в марте 41-го только вступил в строй и был проинспектирован покойным Гиммлером. Второй лагерь в Бжезинке только начинали строить. Лагерь еще не освободили, и эта часть населения страны и мира еще была незнакома с противоязненным препаратом «Циклон-Б». Они писали в инстанции и говорили, что их зажимают по национальному признаку. Те, на кого они писали, отвечали тем же и добавляли свое. Короче, в момент осмотра института один из сотрудников попытался вручить Сталину конверт. Сталин рукой показал, что никаких «писем трудящихся» принимать не будет.

– Если у вас жалоба – вот товарищ Берия, передавайте ему. Если это по делу, то рядом с ним стоит заместитель председателя комитета по научной работе товарищ Никифоров. Тогда ему. Ну, что остановились?

Молодой человек глазами пробежался по присутствующим и сунул конверт мне. Я его, не читая, сунул в карман. Закончили «экскурсию» глубоко за полночь. Пока выслушивали «прения сторон», я полез за папиросами и наткнулся на этот конверт. Первым желанием, весьма откровенным, было желание выбросить его. Уж больно достали «прения» в царстве Тамма. Сам Игорь Евгеньевич ни одну из сторон откровенно не поддерживал. Его самого достало разбираться с этим «хламом». Поэтому и созвал конференцию во главе со Сталиным. Чтобы собрать руку в кулак и рявкнуть: «Ша! Старший приказал!»

Я начал читать письмо, и у меня волосы на голове встали дыбом. Молодой человек предлагал превратить уран в газ UF_6 и лазером подать когерентное излучение на частоте, соответствующей собственной частоте молекулы UF_5 . В этом случае молекулы, содержащие U_{235} , разрушатся и выделяют F_2 , который требуется дожечь на катализаторе, запустить в колбу наполнитель, с помощью которого осадить на стенках UF_5 . В общем, обещает, что лев, как в известном анекдоте про сбежавшего из московского зоопарка льва, выпадет в осадок, если собрать все запасы плавиковой кислоты и растворить песок в Сахаре. Я еще раз перечитал письмо. Пишет не сумасшедший! Дает смесь газов, частоту и напряжение, при которой лазер будет излучать на частоте кратной собственной UF_5

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.